

18+

епа

Слово
Рече

Валера Жен

Смерть офицера

«Издательские решения»

Жен В.

Смерть офицера / В. Жен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989004-7

Официальное расследование зашло в тупик, и в частное сыскное агентство обращается уважаемый в городе человек. Поскольку сыщик по складу характера и воспитанию резко отличается от своих коллег из государственных структур, то и события разворачиваются не по привычной детективной схеме, а в романтическом жанре. Не остается без внимания и нравственный аспект, каким руководствуются в стране, ступившей на капиталистический путь развития. Сыщик делает неутешительные выводы общественной значимости.

ISBN 978-5-44-989004-7

© Жен В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	9
I	10
II	43
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Смерть офицера

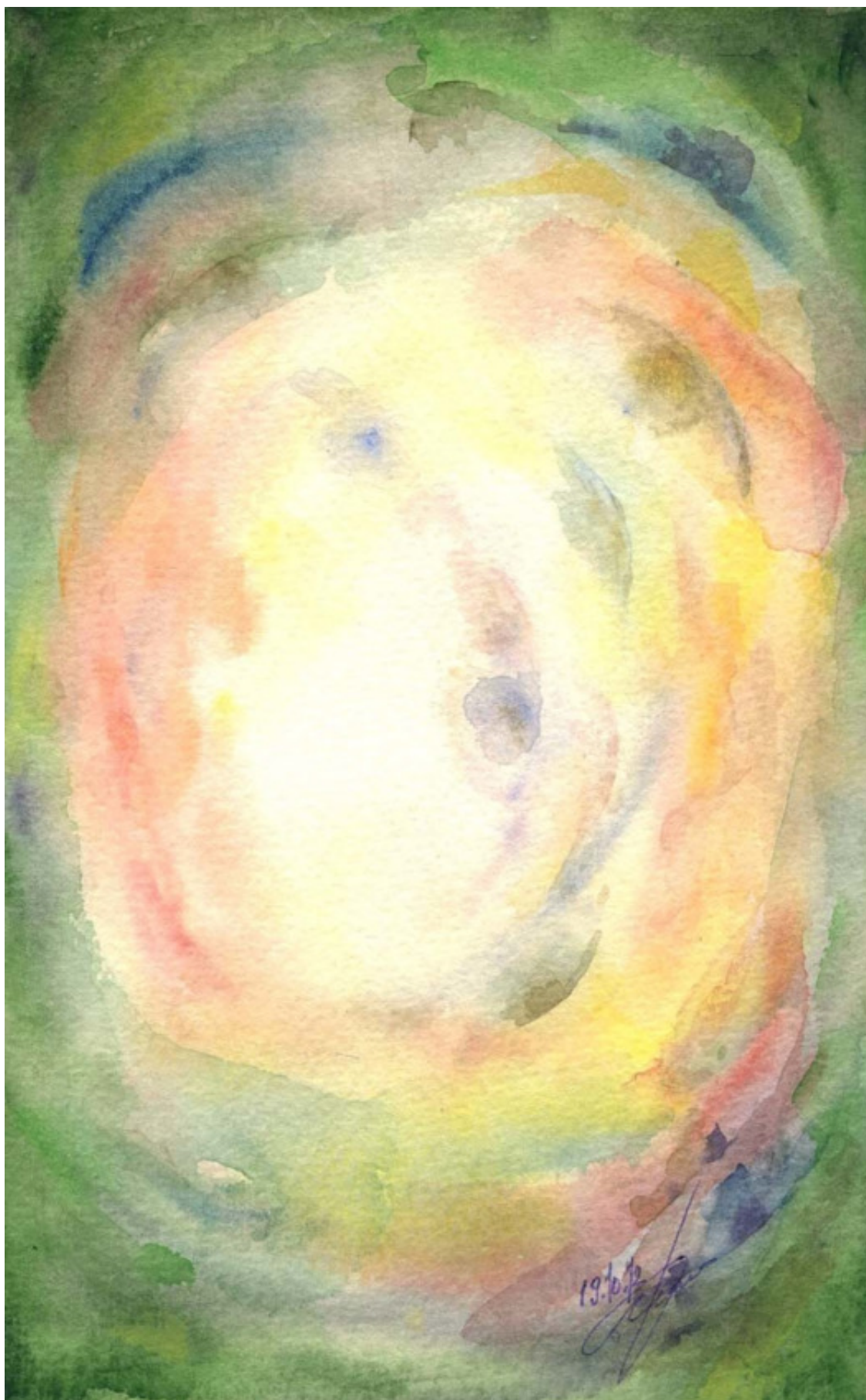
Валера Жен

© Валера Жен, 2020

ISBN 978-5-4498-9004-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Васера
Жен

СМЕРТЬ ОФИЦЕРА

РОМАН

*ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЖЕЛАНИЯ, НЕУДОВЛЕТВОРЕНИЕ
КОТОРЫХ НЕ ВЕДЕТ К БОЛИ, НО В КОТОРЫХ
ЕСТЬ НАПРЯЖЕННОЕ СТРЕМЛЕНИЕ, ПРОИСХОДЯТ ОТ
ПРАЗДНЫХ МНЕНИЙ; И ЕСЛИ ОНИ РАССЕЙВАЮТСЯ
С ТРУДОМ, ТО ЭТО НЕ ИЗ-ЗА ЕСТЕСТВЕННОСТИ ИХ,
А ИЗ-ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРАЗДНОМЫСЛИЯ*

Эпикур

Пролог

Желание поговорить на эту тему появилось у меня с тех пор, как ты сказала: *Можешь мне изменить, только чтобы я ничего не знала*. Теперь меня гнетут сомнения: могу ли я относиться к тебе с тем же доверием, как это было с нашей первой встречи; можем ли мы считать себя неразрывными частями нашего общего целого, когда никто из нас не может стать объектом для притязаний кого-либо третьего. Не обнимал ли тебя другой мужчина, частично присвоив себе право на твою физическую оболочку? В таком случае, прикасаясь к тебе, я воспринимаю то, что должен ненавидеть и что оставило на тебе свои следы – запах враждебного мне существа и не смываемый отпечаток твоей измены.

Ты можешь понять меня. Я отличаюсь от примитивного животного пылом воображения и брезгливостью к моральной мертвечине, но, главное, – необходимостью самоуважения. Всегда жил с верой в искренние и сокровенные отношения, готовностью к великой самоотдаче. Но человек, сознательно обманутый в ожиданиях, проживший лучшие годы своей жизни по скрытному и нечистоплотному сценарию, казалось бы, самого близкого человека, неминуемо погибает как личность.

Сделал выписку из рассуждений Лескова по поводу «Крейцеровой сонаты». *Нет никакого сомнения, что число мужчин, изменяющих женщине, превышает число неверных женщин. И женщины это знают; нет ни одной или почти ни одной рассудительной женщины, которая после более или менее долгой разлуки с мужем питала бы уверенность, что во все время этой разлуки муж остался ей верен.*

Не знаю, что и думать. И как отнестись к совершившемуся факту? Лескову легко рассуждать, он холост. Не видит в браке слияния душ. Для него брак – определенное соглашение, в котором по договоренности распределяют обязанности и выполняют супружеский долг. Но я хочу любить возвышенную душу, а не только плоть во плоти. Плоть – это оболочка, которая может изменяться по собственному усмотрению, а душа, один раз покоробленная, уже не будет иметь первозданной чистоты и гармонии, и тогда остается соглашение или просто договоренность. И как можно любить душу, лишенную привлекательности? Есть физиологическая потребность, но нет любви. Расчет? Мнение Лескова слишком рассудочно.

А может быть, твои слова надо понимать как договор о взаимной уступке? Я не произносил подобных слов, так как знаю об их последствиях. Могу увлечь немало женщин, но они делят себя еще с кем-то. Ввиду духовной убогости и собственной несостоятельности ищут свежих впечатлений на стороне, сами не способны на творческое созидание и щедрость. Нет в них светлой открытости, отсюда невозможность полного единения и, как следствие, ощущение непристойности и нечистоплотности. Я тебя оберегал – это то, что ты называешь ревностью. Не хотел допускать пошлости, чтобы сохранить чистоту и свежесть наших чувств, без которых невозможно выстроить божественный храм. Так просто и понятно – духовная и душевная божественность.

Ты как-то сказала, будто тебе некогда заниматься изменами, много времени уходит на ребенка. Наверное, ты искренне хотела меня успокоить, не задумываясь над глубинным смыслом фразы. И надо ли полагаться на твою занятость, не доверяясь душевной преданности. В то же время известна статистика, по которой женщина изменяет своему мужу раз-два в год. Как говорится, для успокоения души. Ты скажешь, я считаю тебя коварной, не имея к тому повода. Умоляю, прости, если мои сомнения окажутся заблуждением, и прошу ответить, что значат слова: *Ты можешь изменить, но только чтобы я ничего не знала*.

I

*Зачем, глупец, хочешь
ты распутать узел, который
даже запутанный, доставляет нам столько хлопот?*
Аристипп

2 июня. Утро.

Первая летняя ночь отметилась обильным дождем, и свежий тополиный воздух проникает через открытую форточку, будоражит и без того обостренное восприятие. После ознакомления с результатами предварительного расследования место преступления уже не представляется уютным гнездышком для счастливой семейной жизни. И звучит-то как: *место!* На самом деле никто его точно не определит, оно может растягиваться во времени и пространстве. Всем известно о звериной сущности множества людей, а для отдельно взятого человека не хватает доказательств. И корни всякого преступления сидят глубоко в человеческом сознании, но никому не нужны предположения. Конечно, человечество что-то пытается изобрести, даже придумывает разные глупости, связанные с пропорциями черепа и чертами лица, определяющими преступные наклонности индивидуума. Так чего не сделаешь ради защиты невинных людей от потенциальных преступников. Психиатры в своих научных исследованиях безнадёжно топчутся на месте, самонадеянно полагаясь на собственные умственные способности. Все обвинения строятся на внешних, то есть видимых, материальных факторах.

Прошла неделя, но и сейчас не трудно вообразить, как в первый день эксперты фанатично метались по квартире в поисках подозрительных бумажек и ворсинок, рылись в карманах хозяйкиной одежды, без усталости щелкали фотоаппаратом. Можно понять стремление сыщиков раскрыть преступление по горячим следам. Но какие следы, если даже кинолог в бездеятельности сидел в темном углу, поглаживая овчарку и задумчиво глядя в окно. Как раз на ветке тополя расчирикался одинокий воробей, вдруг да что-нибудь подскажет. А что еще было делать? Как сказал начальник следственного отдела майор Довганич, никакой зацепки и полный штиль. Сам он успел побывать участковым, в операх был не один год, да никакой опыт не помог.

Несмотря на естественную вентиляцию, в комнате присутствует запах пота и крови. Знакомые и всегда непривычные ощущения. Может, и нет запахов, но осознание происшедших событий, их мысленное воспроизведение невольно приводят к защитной реакции всего организма. При всем этом обстановка однокомнатной квартиры выглядит вполне сносной, если не считать мелких деталей. В частности, не доклеены обои, а то, что сделано, не вызывает особого восторга – сразу видна неопытная женская рука. Дверями никто не занимался, потому что замки расхлябаны, полотна в трещинах, краска облупилась. Да и черт с ними – этими мелочами! Главное, виделось стремление самостоятельно украсить свой быт. Не просто красиво обустроиться, а кому-то показать независимый и гордый характер. В целом получилось, и уже хорошо.

На журнальном столике в шеренгу выстроились несколько фотографий в рамках. Будто взгляд из прошлого – детская белокурая головка, крутой поворот и радостное удивление. Но почему из прошлого? Девочка временно проживает в приюте, пока ничего не знает о гибели родителей. Тут же коллективные семейные изображения. Напротив светлого шкафа, на новеньких светлых обоях, вывешены пастельные портреты хозяйки и ее дочери, выполненные в классической манере и с большой любовью. Судя по всему, цвет обоев подбирался в интересах именно картин – чтобы подчеркнуть их мягкую женственность и детскую нежность.

Алексин Степан Михайлович – внешне малоприметный, как будто сознательно скрывающий непростую профессию, основатель сыскного агентства и сам отменный сыщик, впи-

тивал в сознание скромную обстановку, вживался в образы погибших людей. Осматривался, всматривался, вдумывался – как если бы пришел к ним в гости и застал их в добром здравии. С самого начала известно, мужчина и женщина находились в разводе и жили порознь, но каким-то образом погибли в одной постели. Правда, в паспортах зарегистрирован десятилетний брак, но все-таки... Тут сам черт голову сломает. Майор Довганич так и сказал: *Они уже ничего не расскажут и ушли не куда-нибудь, а в объятия друг друга. Крепкие объятия их и погубили.* Еще и посмеялся нехорошо. Над своей немощностью, наверное. Есть же явления, которые не укладываются в банальную логику.

То, что в частное сыскное агентство, то есть к Алексину, обратился некий таинственный клиент, причем через посредника, с просьбой провести параллельное расследование вызвало у Довганича не просто досаду, а чувство незаслуженного личного оскорбления. Уж он-то всегда стоит на страже государственных интересов, добросовестно и честно выполняет свою работу, его в предвзятости обвинить невозможно. И если расследование зашло в тупик, то существуют на то объективные причины. Обидно, а все равно не забыл давнишнюю дружбу и поделился информацией – конечно, в пределах дозволенности. По душе ему прихлясла казенная муштра, не хочет покидать насиженного места. Сказал, умереть хочет на боевом посту. Шутил или говорил серьезно – не понять, но смеялся при этом искренне.

Степан Михайлович склонился над фотографиями, и взгляд его преобразился, выдавая несвойственную для профессионала эмоциональность. Уж очень по-юношески. Ладно бы только профессия, но и возраст призывает к умудренной невозмутимости. Призывает возраст? Как бы не так. Он, как и его сверстник Довганич, видит себя альпинистом, для которого главная вершина еще впереди. Надо бы выразиться еще точнее. Чем старше он становится, тем больше понимает, насколько незначительны и несовершенны его знания. Еще не мало придется потрудиться на пути к истинной мудрости. Конечно, он себя недооценивает – сам факт неудовлетворенности собственными достижениями говорит в его пользу. Из-за скромной внешности он также мало походит на опытного сыщика, даже напротив – худощавый, невысокого роста, светловолосый, в серо-голубых глазах мечтательность, по-мальчишески порывистые движения. И это при возрасте уже далеко за сорок. Юноша с посеребренными висками. Однако удачно законченные в прошлом *Дела* являются блестящим доказательством его сыскных способностей. В его понимании, закрытые *Дела* касаются только работы в областной прокуратуре, а в его частной фирме следственная работа по любому *Делу* всегда имеет продолжение, соответственно – нет законченности. Конечно, для отчетности он ставит точку, но осмысление и анализ, казалось бы, уже раскрытых преступлений и закрытых *Дел* не могут прекратиться уже ввиду его личной психологии. Постоянно происходит духовная работа в своей интеллектуальной отстраненности, то есть без расчета на материальную выгоду. Мысленно он ставит себя в позицию того или иного лица, задействованного в деле, и ретроспективно раскручивает события – все ли учел, не упустил ли какую-нибудь деталь. Ответственный человек Степан Михайлович, не мог бы простить себе ошибку. Вот как!

Да, он ушел из прокуратуры с радостным ощущением свободы, но часто ностальгические чувства пробуждаются в нем с наплывом приятных воспоминаний. Были исключительные эпизоды в период нахождения на государственной службе, есть подтверждения крепкой дружбы и взаимной выручки. Только в экстремальных условиях зарождаются светлые отношения, не подвластные разрушительному воздействию времени. И как не расчувствоваться, если даже ребята из следственно-оперативной группы потянулись в его агентство. Теперь фотограф Федор старается запечатлеть особую атмосферу квартиры – душевность, что ли. Бывший кинолог Лешка, успевший позже выучиться на классного криминалиста, чуть ли не под микроскопом рассматривает в комнате ворсистый ковер – у него есть какие-то свои профессиональные секреты. С такими ребятами можно брать за любое серьезное дело, хотя возможности, конечно, ограничены слабой оснащенностью собственной лаборатории. Обращения в государ-

ственные институты часто оказываются не по карману, ощущается отсутствие оперативных работников. И все равно оптимизм побеждает, видят они великие перспективы и свое высшее предназначение.

Во время их совместной работы в прокуратуре дело с *Чертовкой* упоминалось как образцово-показательное для начинающих сыщиков, Алексина представляли чуть ли не Пуареном. И как считать иначе, если видимый для окружающих процесс расследования вызывает недоверие и сомнения в его профессиональной пригодности, руководство готовит указ о неполном служебном соответствии, и вдруг, для всех неожиданно, дело заканчивается блестящим результатом. При желании новые сотрудники могли ближе познакомиться с этим изворотливым, искушенным в своей профессии, следователем. Его методы работы не укладывались в классические схемы расследования, из-за их скрытности часто наталкивались на непонимание в среде коллег и притягивали молодых специалистов своей загадочностью. Специально тайны из своей работы он не делал, но объясняться тоже не торопился. И как рассказывать, если вопросы уголовного права он перевел в категорию философскую. Ему не дали бы работать и тихонечко, чтобы его мысли не стали достоянием общественности, убрали бы подальше от журналистов. А все же есть повод гордиться собственными достижениями. Не в том смысле, что удалось раскрутить какое-либо сложное преступление, связанное хотя бы с *Чертовкой*. У него есть личное удовлетворение от проделанной интеллектуальной работы. И ничего он не раскручивал. На самом деле он, можно сказать, высосал версию из пальца. Выдумка получилась гениальной, раз уж в нее поверили вышестоящие руководители. Только вот похвалиться было не перед кем – искренность могла стать для него, прямо-таки, роковой. А что касается реальных событий, так ему без хвalebных отзывов известны все детали чертовых событий. В более цивилизованном обществе он бы мог поведать душераздирающую историю о криминальной парочке, ставшей заложницей собственного благородства, но для всякого служителя Фемиды закон и порядочность – не обязательно совместимые понятия. Высочайшие нравственные качества в судах не рассматриваются и не являются смягчающим обстоятельством. Впрочем, дело не в *Чертовке*, лично для него работа свелась именно к раскрытию *Тайны двоих*.

Теперь не менее загадочная история. Мужчина, по паспорту Кондаков Виктор Юрьевич 1977 года рождения, прописан в районе Тракторного завода. По профессии инженер-строитель. Как будто талантливый специалист. Имел даже собственную мастерскую, расположенную в мансарде жилого дома. Там работал и жил. И вдруг алые брызги. Всюду чертовщина! Навязчивые брызги стали присутствовать почти во всех расследованиях Алексина, когда вопрос касался взаимоотношений мужчины и женщины. Тайна двоих или каждого в отдельности? И часто скрытность на подсознательном уровне – вроде недосказанности, нежелания делиться душевным состоянием. Скорее всего, Кондаков явился к бывшей жене выяснить личные отношения. Наконец-то произошло взаимопонимание, и постель примирила их окончательно. Еще бы! Только душевная открытость может сопровождаться такой же полной обнаженностью. Нет речи о какой-нибудь проституции, свойственной чужим по духу супругам, объединенным меркантильными интересами. Потом вспомнились старые обиды, любовь завершилась бессмысленным садизмом?.. Все не то!

Степан Михайлович досадливо потер посеребренный висок, разложил посмертные фотографии, предоставленные Довганичем. Внимательно присмотрелся к женщине. Во всех чертах красивого лица, обрамленного пышной копной золотистых волос, застыло крайнее удивление. Такой женщине более пристали бы светлые открытия. Что могло сильно удивить? Впадины прикрытых глаз – густые лужицы от стекших со лба кровинки. На бледной коже грубо вырезана надпись – *Офицер*. Почерк законченного негодяя? А может, потрудились какой-нибудь специалист кровавых дел – например, хирург. Или... военный. Почему бы и нет. На войне ко всему привыкают. И это слово – *Офицер*. Роспись под хорошо выполненной работой. Явно пришел не со скотобойни. Кондакова Елена Владимировна своей женственностью могла бы затмить

многих современных девиц из модельного бизнеса. Такую женщину надо было увековечить в мраморе, запечатлеть на обложках толстых журналов. И сама как будто сошла с картин эпохи Возрождения. Можно понять Виктора Кондакова с его попытками остановить время с помощью пастели. На год моложе своего мужа, а профессия... числится инженером в организации, контролирующей очистные сооружения. Числится?.. Еще один рассадник коррупции.

Любой почерк так или иначе характеризует автора, а качество фотографий позволяет разглядеть даже поры кожи. На фоне запекшейся крови буквы выделяются бурыми наплывами, не отличаются аккуратностью. Как если бы убийца спешно черкался на заборе. Тут же лежит нож – специально для сравнения. Обычный, садовый – с кривым лезвием. Собственность Кондакова, потому что сохранил на себе следы графита? Был у него в деревне земельный участок с плодовыми деревьями, что-то он там начинал строить. А почерк не его, далеко не чертежника. И это слово... Веет казармой. Совсем не похоже на убийство и последующее самоубийство. И первым делом придется начинать с круга их общения, где-то должен обнаружиться след безымянного офицера.

Благодаря давнишней и проверенной дружбе с Довганичем, Степан Михайлович сумел таки добраться и до других существенных материалов. Записная книжка женщины, найденная в бежевой кожаной сумочке с длинным ремешком, теперь представляет собой бесценный источник информации. Уже на следующий день она должна опять лежать в сейфе у Довганича – такое условие. Красная, изрядно потрепанная, все листы испещрены номерами телефонов. В основном – женщины. Мужчины, судя по записям, занимали мало места в жизни Кондаковой. Это предположение, а на глаза попались цифры, вписанные твердым почерком, скорее всего – мужской рукой. Приписки «р. т.» могли означать рабочие отношения, вряд ли сулили существенные открытия. Степан Михайлович не долго думал, тут же позвонил. Так, на всякий случай. Попытка сэкономить время, возможность застать врасплох и услышать не продуманный, то есть искренний, ответ.

– Аллю!

– Кто спрашивает? – откликнулся недовольный властный голос.

– Здравствуйте! Беспокоит следователь Алексин из городской прокуратуры, – для убедительности соврал он. – Случилось несчастье с вашей знакомой Еленой Владимировной Кондаковой. Мы рассчитываем на вашу помощь...

– Это что, розыгрыш?

– К сожалению, нет.

– Что!? Ничего не знаю. У нас имели место только деловые отношения. Прошу не отвлекать от работы. – Последовали гудки.

Чего, спрашивается, напугался – поторопился бросить трубку, другой бы поинтересовался, выразил сожаление. В любом случае с него взять нечего, так преступник не станет себя вести, обязательно полюбопытствует, постарается ввести в заблуждение. Еще три звонка женщинам не дали результатов – шапочное знакомство и все те же деловые отношения. Надо бы прекратить опыты, но привлек внимание номер телефона некоего Юрия Георгиевича, и было из-за чего. Фамилия отсутствовала. Однако лист потерт, в отдельных местах буквы размыты. Обычное дело, когда набирают номер и одновременно проливают слезы. Человек, оказывающий моральную поддержку?

– Вы Юрий Георгиевич?

– Да! По какому вопросу?

– Беспокоит следователь Алексин. Телефон узнал из записной книжки Кондаковой...

– Что-нибудь случилось? – Голос ровный, никаких эмоций.

– Вы очень догадливы. Пытаемся воссоздать образ жизни Елены Владимировны, выясняем круг ее общения, собираем сведения о возможных недоброжелателях.

Мужчина молчал. Лишь тяжелое дыхание переносилось по проводам. Расстроен? Или боится быть замешанным.

– Вообще-то я мало с ней общался. Так, интересная женщина, с шармом... общительная. Иногда беседовали... о работе.

– Вы что же, сотрудники?

– Ни в коем разе! Работали в одном здании. И подруга ее здесь... Федорова Татьяна Юрьевна. После университета обе приехали в наш город, так и дружили. Наверняка, есть в книжке Кондаковой. Часто встречались в общей столовой, нередко покидали здание в одно время – тогда и появилось что-то вроде дружбы. Знаете, необязательная и приятная возможность развеяться от рабочей рутины. А что случилось?

Понятно, Юрий Георгиевич прикладывает усилия чтобы ускользнуть от неприятного разговора, поэтому отправляет по следу Федоровой. Если почуял смерть, то постарается похоронить и личные отношения с Кондаковой. Или уже знает о гибели молодой пары, теперь без опасения быть разоблаченным старается показать полную свою неосведомленность. Хотя бы для следствия. Трудно верится, чтобы нормальный мужик остался равнодушным к прелестям неординарной женщины. Конечно ее муж обладал тоже особыми талантами, иначе и быть не могло. Нет, Юрий Георгиевич, судя по словесному темпераменту, не мог составить ему конкуренцию. Тогда кто? Между многими зачеркнутыми номерами телефон Федоровой выделяется приятным островком – своеобразным укрытием от жизненных тревог. Только подруга может воссоздать истинный образ погибшей, передать ее переживания и увлечения. Наконец только она может являться главным свидетелем личной жизни Кондаковой. Здесь телефонным разговором не обойтись.

После изучения и обследования кухни подошел Алексей. Пожевал нижнюю губу, остро сощурил и без того колючие глаза.

– Могу вынести окончательный вердикт.

– Валяй!

– У них в семье не было конфликтов, и кому-то, как мне думается, их близкие отношения мешали.

– Прямо-таки, мешали! Но, похоже, твою точку зрения разделяет майор Довганич. Ведь это самое простое и понятное объяснение. И я, грешным делом, чуть ли не склонился к банальному конфликту. Ладно, уцепился за ниточку, попробуй дальше вытягивать.

– У тебя другое мнение?

– Нет у меня мнения. Довганич – тот да, не нашел явных следов и расписался в бессилии. Хочет обратиться к экстрасенсам.

– А нам что делать?

– Надо вжиться в образы молодых людей, попытаться заболеть их болезнями.

– Заболеть?.. Ха, нет проблем! Знать бы еще их болезни. Наше счастье, что Довганич не слышит.

– И не надо! Для нас, Алеша, важнее даже не процент раскрываемости, а истина. Чтобы не пострадали невинные люди. А майор – часть бездушной системы с ее склизкими законами и мертвыми цифрами, иначе нам не пришлось бы уходить в частный сыск. Мы-то уж точно знаем, как стряпаются громкие дела и кому выгодно там работать.

– Ладно, я тебя понимаю, но в прокуратуре не ляпни. Вмиг лишат лицензии.

Любопытный тандем – Федор и Алексей. Их невозможно представить друг без друга. Пусть Алексин привык к ним по прежней работе в прокуратуре, так ведь есть и логическое объяснение нерушимой дружбе двух, внешне контрастных, людей. Алексей выглядит стручком гороха против располневшего в последние годы низкорослого Федора. Очень гармонично смотрится на плече фотографа огромная кожаная сумка с различной съемочной аппаратурой. Опять же по девичьи гибкий Алексей, кажется, может пролезть в любую щель в поисках необ-

ходимых улик. Соответственно у первого всегда по-доброму светятся глаза – карие навывкат, а второй своим взглядом способен заморозить любые теплые чувства. Выходит, любой возникающий вопрос рассматривается во всей своей противоречивости, без односторонней предвзятости. Классные специалисты, и работаете с ними легко.

Все понятно и не ново, а все равно неприятно заскребло на душе. Упомянул про бездушность системы и сразу же вспомнил где-то прочитанные слова о Родине. Это одна общая семья, когда все вместе – родители, дети, божий храм, жилой дом, школа... И кладбище тоже одно – общее, там похоронены все близкие, там же похоронят и потомков. А теперь из-за нищеты пенсионеры не могут купить вкусных продуктов на праздничный стол. У автора горьких строк возникает резонный вопрос: *А если это не Родина, то что мы должны защищать?* Тяжелый вопрос, и кто-то же его спровоцировал. Система? Нет, есть конкретная прослойка людей, поставивших эгоистические интересы выше общественных, присвоивших общенародное достояние, предавших идеалы миллионов погибших соотечественников. Вот она горькая истина, не подвластная судебному разбирательству.

Степан Михайлович вместе с Алексеем в который раз прошел на кухню, но даже в четыре глаза они не нашли за что бы зацепиться. Хоть застрелись, нет каких-либо материальных следов постороннего человека. Заглянул в ванную, дал пару указаний Федору и снова вернулся к фотографиям. Болезненно прозвучали в сознании лопнувшие струны. Сколько уникальных и неповторимых звуков навсегда теряются во времени! Будь то естественная смерть или несчастный случай – одинаково утрата, но смерть, насильственная и незаслуженная, справедливо вызывает к мщению. Еще две жизни непоправимо оборваны. Человечество обеднело ровно настолько, насколько не хватает этой личной неповторимости для всеобщей гармонии. Но какая гармония!? Это самое человечество в своей общей массе лишено духовности и душевности, питается только физиологическими ощущениями, неадекватными законами провоцирует рост преступности. Поэтому и происходит истребление в человеке остатков человечности – этой способности творить гармонию. Есть многочисленные факты суицида молодых людей с тончайшей духовной организацией. Надо бы опомниться, но общество неуклонно катится в капиталистическую бездушность.

Алексин в свои зрелые годы далек от идеализма, но свою деятельность воспринимает ниспосланной свыше. Именно он обязан заботиться о сохранении морального здоровья в обществе. Ни кто-нибудь, а он является проводником величайшей идеи – человеческой гармонии. Речь не идет о карающей функции его профессии и, тем более, выполнении бесчисленных указаний и проведении в жизнь установленных кем-то законов. И бог с ними – с этими дурацкими законами, собственная совесть важнее! Если бы каждый отвечал за себя лично, не было бы фашизма и войн. Только непонятно, как он со своей философией много лет продержался на государственной службе. Никто не догадывался, что он живет своей, скрытой для государственных структур, жизнью, имеет собственное суждение, далекое от обозначенной кем-то нормы поведения. Впрочем, убийцы тоже не считаются с общепринятыми нормами. А что в итоге?.. Поэтому в государственной структуре чиновники обезличены, а их поступки продиктованы кем-то сверху. Так, для порядка и без личной ответственности. И относительный внешний порядок соблюдается, а общество разъедает от криминальных метастаз. Неплохо бы проводить с законодателями тренинги с воображаемыми сценами насилия и убийства их близких родственников, чтобы законы появлялись более грамотными и справедливыми.

Голова мужчины неестественно скособошена – рассеченные мышцы не могут ее удерживать. Привлекательное, слегка вытянутое, лицо выражает счастливую умиротворенность, на обескровленных губах замерла ироническая улыбка. Презрение к суеде суеда? Если допустить его смерть первой, то можно представить ужас, испытанный женщиной. Она проснулась, но тут пришла ее очередь. Перед сном занимались любовью. Прекрасная увертюра перед жестокой смертью, которая сблизила их навечно. *Как хороши, как свежи были розы!*

По всей видимости, ничто не могло разлучить Кондаковых, и была в них магнетическая сила, притягивающая их друг к другу. Но это так – в общих чертах, на самом деле сущность роковой любви никто не объяснит, и байка про любовь и козла тоже всем известна. Мнение всякого стороннего человека, воспитанного на современных порнофильмах, будет выглядеть упрощенным до глупости. Кому как не Алексину понимать глубинную сущность настоящей близости. В отличие от Виктора Кондакова он мог запросто потерять подругу. Безуспешно метался по городу в ее поисках. Как посмел допустить!? Сама ушла, когда он бредил во сне, призывая в объятия порочных женщин. Можно представить оскорбление, испытанное Людмилой Николаевной. Могла не простить, но вернулась, поверив в его искренность и порядочность, смирившись с его, часто не контролируемым во сне, воображением и романтическим характером. И он упал ей в ноги, всю последующую совместную жизнь показывал свою любовь и преданность. Их размолвка и страдания остались в прошлом, теперь они вместе – на этом смертном одре. Так внезапно и драматически. Степан Михайлович уже видит на фотографиях не Кондаковых, а свою и Люсеньки растоптанную любовь. Кто посмел!?

Скопом навалились тягостные воспоминания, приближая события давно минувшие, когда *Тайна двоих* с ее духовным и душевным содержанием становилась объектом для охоты бессовестных людей. И только Степан Михайлович решился встать на сторону влюбленных изгоев, вынужденных защищаться с оружием в руках. А теперь не тот ли случай? Во все века настоящая любовь вызывала зависть, подвергалась психологическим и физическим атакам. И все же надо уйти от влияния удобной версии. Он мысленно отмахнулся от навязчивых образов, повернулся к выходу из квартиры. Шагнул и тут же, от неожиданности, замер. Перед ним, в дверном проеме, стоит молодой человек в офицерской форме. В правой поднятой руке мрачно поблескивает кривое лезвие ножа. Безжалостный взгляд не оставляет шансов на спасение.

3 июня. Утро.

Степан Михайлович, сидя за рабочим столом, пытается воссоздать однажды возникший образ убийцы, силится описать внешность. Высокий, крепко сложенный. Дерзкий бесчувственный взгляд. И оружие. Копия того, что лежит у майора Довганича в коллекции собранных материалов. Иллюзия выглядит достаточно реалистичной. Подсознательно создается версия – как возможность объединить документальные факты и некоторые домыслы. Непременно должен быть военный человек. Вошел в жизнь молодой семьи. Кто звал? Пожалуй, самый большой вопрос, способный расставить все точки. Никто не ответит, но в результате появился нож.

Он встал из-за стола, подошел к окну. Лето как лето. Однако погода на Южном Урале непредсказуема. Теплые дни сменились прохладой. На оконном стекле остаются косые следы от редких дождинок. И жизнь печальна, как всегда – по причине жестокости и разобщенности самих же людей. Непосредственно перед глазами серый тротуар, по которому снуют серые подмоченные люди, чуть в стороне – вход в агентство. Раньше была трехкомнатная квартира, но Алексин на месте окна устроил тамбур, опустил на асфальт широкую мраморную лестницу по металлическим косоурам. Неплохо смотрятся на торце козырька объемные буквы «Алекс». Прохожие засматриваются, пытаются сквозь оконные решетки разглядеть внутреннюю жизнь сыскного агентства. Будто и впрямь в деятельности частной фирмы могут существовать какие-нибудь особенности и секреты, далекие от объективной реальности.

Просторный кабинет без каких-либо украшательских излишеств – почти такой же скучный, какой был в прокуратуре. Именно туда впервые пришла Людмила Николаевна. Легко окрутила его, потому что ему стало в тягость ежедневное мрачное однообразие, связанное со спецификой работы. Очень хотелось светлых отношений. И что же? Он, как последний глупец, не разглядел своего счастья, не поторопился пустить ее в свою жизнь, а после трагических событий в *Чертовке* не было сил думать о создании семейного очага. И она не сразу поняла

его – вдруг надолго исчезла. Он прочитал записку на тумбочке и со всей прытью бросился искать Людмилу Николаевну, его Милочку-Людмилочку. Ему посчастливилось, и окружающий мир опять расцвел красками. Она не только вернулась, но заняла прочное место в сфере его деятельности, то есть в сыском агентстве «Алекс». Сначала фирма арендовала помещения в цокольном этаже жилого дома с вечно пыльными окнами, крутой лестницей и нависающей перед ней балкой с надписью «Не габарит». Иногда, в расстроенных чувствах, он забывался и в отместку за плохое настроение украшал голову шишками. И все равно, несмотря на российскую вакханалию и личные неприятности, жизнь казалась привлекательней и веселее. Что значат нерастратченная энергия, целеустремленность и надежда на честное правительство. Не о переменах ли накануне пыталась говорить Людмила. Хочет превратить офис в цветущую оранжерею.

Размышления были прерваны троекратным, как будто даже предостерегающим, стуком в дверь. Не дожидаясь разрешения, вошла высокая стройная женщина, что-то около балзаковского возраста. В карих глазах – спокойная невозмутимость. Также уверенно когда-то в первый раз входила в его кабинет Людмила Николаевна, хотя ее точно никто не приглашал. Сейчас обстоятельства иные.

– Вы... Федорова?

– Татьяна Юрьевна.

– Виктор Юрьевич... Татьяна Юрьевна... – задумчиво повторил Алексин и, в ответ на вопросительный взгляд Федоровой, добавил. Присаживайтесь!.. Кофе?

Посетительница неопределенно пожала плечами, опустилась на край стула. Неторопливо расправила подол черной плиссированной юбки, как бы акцентируя внимание на смуглых коленках. Она явно не нуждалась в загаре. Смуглая кожа приятно контрастировала с белоснежной кофточкой. Если бы только не темные очки с диоптриями...

– В такую непогоду вы ухитрились прийти без зонта и не вымокнуть.

Он обратил внимание на тонкие длинные пальчики крепко охватившие миниатюрную сумочку. Есть характер, такую женщину с толку не собьешь. Вообще-то весь разговор носил ознакомительный характер, ни к чему не обязывающий. Так, расчет на удачу. Федорова поняла и расслабилась, позволила себе улыбнуться. Быстрым движением руки сняла очки, поправила темную короткую прическу, снова надела очки. Очень светская привлекательная особа, хотя и проскальзывает в манерах и облике цыганская психология.

– Давайте по-пустому баять не будем... – мягким певучим голосом она бесцеремонно прервала его отвлеченные рассуждения. – Вы меня пригласили, и я пришла, хотя не представляю своей роли в печальной истории. Правда, учились вместе, потом дружба получила продолжение... Но мы жили каждая своей семьей. Вот и все! Не знаю, что еще сказать. Какой-то майор Довганич уже домогался. Хочу, чтобы и вы меня поскорей оставили.

Несмотря на мягкую интонацию, Степан Михайлович, почувствовал не свойственную для женщин резкость. Или жестокость? И этот странный говор... Он встал из-за стола и по-дружески подсел к ней сбоку, тем самым смягчая казенную обстановку. Она имеет полное право совсем с ним не общаться и тем самым оставить его ни с чем. В его случае без доверительных бесед любое расследование не может иметь успеха. Пусть ему самому надоели бесконечные допросы, но в его силах использовать накопленный опыт по части психологии.

– Татьяна Юрьевна, вы поторопились. Я вас не допрашиваю. Мне совсем нет дела до ваших бывших отношений, кроме вашего мнения о Кондаковых. Меня также мало интересуют детали их семейного быта и банальные размолвки, важнее общее впечатление. Видите, я даже ничего не записываю.

Деликатное замечание оказалось как нельзя кстати – что значит многолетний опыт. Бесспорно, Степан Михайлович мог бы воспитать достойное поколение сыщиков – не тех, которых называют костоломами, выбивающими любые желательные показания. И она оценила его

деликатность – прямо-таки, воспряла, а в глазах появился живой блеск. Положила ногу на ногу, склонилась на выставленную ладонь, должно быть, копируя «Мыслителя» Родена.

– Я бы сказала, они казались идеальной парой. Лена очень любила своего мужа, а он... мечтатель. У него фантазии. В чем-то не было понимания... Она сомневалась в его чувствах, но я видела, какими глазами он смотрел на нее. Не болтай какой-нибудь из нынешних депутатов. Это грустный взгляд влюбленного человека – с примесью ревности и недоверия.

– Вы говорите, ревность. Если точнее, то в чем она выражалась?

Федорова с открытым презрением посмотрела на портрет Дзержинского, сняла очки, задумалась, остановила взгляд на Алексине.

– Лена гуторила... не знаю, насколько правдиво. Ну, он видел между ними кого-то третьего. Своего рода препятствие для полного доверия. Ей бы разобраться... так жареный петух не клевал.

– Вот как! А сам безупречен в верности? – Должно быть, Степан Михайлович начал забываться, если речь повел о Кондакове, как о здравствующем человеке.

– О таких вещах можно только догадываться. Мне кажется, природа и социальные условия наделили мужчин большей свободой. Кто-то использует ее на полную катушку, но Витя любил жену, был скован своими чувствами. Если что позволял себе, то от безысходности, не получая компенсации своим душевным затратам... Обычное недопонимание. Однажды, на вечеринке, проговорился моему мужу о своем увлечении на стороне, а тот пересказал мне, чтобы я не очень идеализировала Виктора. Так я сама знаю, какой он морговитый в отношении сторонних кулем. Наверное, все мужчины не любят проигрывать в сравнении, вот Юрик нагнал и сделал.

– Хорошо. А вы сами симпатизировали Кондакову?

– Я!? – Прозвучало что-то среднее между возмущением и удивлением. – А как вы думаете! Не гляди, что по-банному крыт, у него в руках все родится. Достойный человек заслуживает соответствующего внимания.

Теперь Степан Михайлович мог дополнить портрет Татьяны Юрьевны. Тоненькая, изящная, с бархатными глазками и соблазнительными пухлыми губками. После прямого вопроса расцвела, и следовательно испытал волнующее движение воздуха. Что ж, надо ковать железо, пока горячо.

– Опишите, пожалуйста, вашего мужа.

– Зачем?

– Хотелось бы воссоздать атмосферу, в которой вращались Кондаковы.

– Нормальный мужчина. Крепкий, рост выше среднего, симпатичный... надежный. Немножко валоватый, но это и понятно – работа воспитала и огрубила. Не то что некоторые – в пень колотить, да день проводить. Калачи-то нигде на берегах не растут. Что еще... любит меня.

– Вам никогда не приходило в голову, что жизнь объединила вас неправильным образом?

– Не знаю, – недовольно поморщилась Татьяна Юрьевна. – У нас свои семьи. Судьба, можно сказать. Где дышло, там и вышло.

– Виктор ничего не намекал?

– Что имеете в виду?

– Ну, не клеил, что ли!? – не сдержал раздражения Алексин. – Вы что же, совсем не понимаете, о чем я говорю. Ведь вы достаточно опытни, чтобы понять взгляды, жесты, поступки.

Федорова помрачнела, покосилась на окно, за которым продолжала портиться погода, соответственно и настроение. Ее неприятно настораживал личностный разговор. Она торопилась скорее отделаться от назойливого сыщика, чтобы уже никогда его не видеть. А как? Только искренность и открытость могут исчерпать все вопросы.

– Влюбленность или влюбчивость – непереносимое состояние всякого здорового человека... Если вы это имеете в виду. У внимательных и чутких людей чаще происходят движения души. Однако это не повод для семейных конфликтов. Всего лишь цементирует дружбу. Или вы против всяких симпатий?

Пришла очередь задуматься Степану Михайловичу. Взаимное притяжение, и вдруг крупная ссора и разезд... Потом опять вместе, и – драматическая развязка. Имеющиеся факты и смысл услышанного полны противоречий. Между всеми звеньями должны быть связующие детали, но их-то сыщик и не находит. Так ведь Татьяну Юрьевну ничто не смущает, или она чего-то не договаривает. Впору совсем запутаться.

– Главное не то, что происходит внешне, а нечто сердечное, – продолжила Федорова. – Лена была общительной женщиной, чистоткой. Привлекала взоры многих мужчин. Ну, была мадена, на сору найдена. Но это внешне. Так и мужики теперь любят наряжаться. Конечно, вызвала ревнивые реплики у Виктора. Вот и все. А вы как думаете! Для серьезных чувств необходима подпитка.

– Кто-нибудь мог втиснуться в их личные отношения?

– Вряд ли! Все общение моей подруги сводилось к работе и добыванию продуктов.

– Вот-вот... С кем конкретно она имела общение?

– Я обязана отвечать? Уже рассказывала в прокуратуре, теперь мне не хватает еще и частного агентства. Пришла, чтобы разобраться в причинах непривычной заинтересованности и навсегда про вас забыть, а вы... Обычные люди – одни из многих... Что-то непохоже на известное равнодушие правоохранительных органов к простым гражданам.

– Скрывать не стану, к нам поступил заказ от неизвестного доброжелателя. Кто-то жаждет ответной крови, поэтому не хочет светиться. Знаю, близких родственников у Кондаковых не оставалось, а после гибели Елены Владимировны ее мать тоже умерла, но уже от сердечного приступа. Теперь внучка находится в приюте для сирот. Вы хоть понимаете глубину горя!? Думаю, вы бы тоже не стали отказываться от более тщательного расследования.

– Правильно думаете. Общалась она со многими людьми, например, с моим руководителем – Юрием Георгиевичем... Кстати, очень порядочный человек, чтобы портить кому-то жизнь. Есть еще некто Дмитрий Васильевич – начальник цеха водопровода и канализации на заводе. Снабжал Лену товарами, которые поступали на завод по бартеру. Она со своей стороны проверяла у него очистные сооружения. Так что сложились рабочие и вполне дружеские отношения... Давал в пользование личный автомобиль.

– Сам возил?

– Редко. Позже этим занимался его сын – Игорь. Лена упоминала о нем. Говорила, высокий и красивый. Обычные дежурные слова, когда хотят кого-то выделить и похвалить.

– А возраст?

– Просто молодой человек. Офицер.

Ого! – подумал Степан Михайлович. Разговор как бы раскручивал клубочек с явной тенденцией к решению задачи – от светлых красок в описании супружеской пары к сомнительным связям и пользованию должностным положением в личных целях.

– Значит, появлялся повод для ссор.

– Трудно сказать. Все зависит от конкретных людей. И говорят кто во что горазд, всем рот не зашьешь. Обычно вспоминают про бесплатный сыр в мышеловке. Вы тоже так подумали? – Татьяна Юрьевна внимательно взглянула на Алексина. Не обнаружив должной реакции, продолжила все таким же ровным мягким голосом: – Как говорится, не дал – один грех, а дал – так сорок грехов. Она же всех продуктами отоваривала... Виктору тоже не нравились деловые знакомства жены с корыстной целью. Задевало мужское самолюбие... Однажды высказал ультиматум. Она всерьез не приняла, уехала с Игорем за продуктами. Как раз перед новым годом, поэтому и отправилась за деликатесами. Что у нее с мужем из-за этого в точности получилось,

не знаю. Только она обиделась, уехала развеяться на базу отдыха. Так и объяснила ему, дочку оставила... Витя сильно переживал, решил объясниться, поехал следом... очень расстроился.

– Не нашел ее? – не сдержался Степан Михайлович. – Ведь так!?

– Что потом произошло, не трудно догадаться. Он не спал две ночи, нервничал, глушил себя водкой. Она после возвращения упорствовала в обмане... не знала о его контрольной поездке. Так он оплеуху отвесил.

– Вот как! – усмехнулся сыщик. – Драчун получается.

Федорова удивленно посмотрела на повеселевшего Алексина, но, сама обладая достаточным опытом и природным умом, как будто его поняла. Факт циничного убийства ничего не может вызвать кроме тошноты и негодования, в то же время приятно увидеть в поступке Кондакова хоть какие-то естественные человеческие проявления.

– Очень даже мирный парень. Не какой-нибудь тухля. И в душе настоящий поэт. – Она заметила ироническую улыбку и сделала небольшую паузу. – Напрасно смеетесь. Был мастером спорта по классической борьбе. Кстати, в былые времена поэты доказывали свою правоту кулаками. И есть люди не склонные к поэзии. Взять к примеру врача... для такого специалиста секс – всего лишь необходимая физиологическая потребность без духовной составляющей. Поэт же все идеализирует, для него измена – не просто предательство, а намеренное убийство, не имеющее оправданий. И я на него однажды обиделась, когда он девочку-ребенка сравнил с чистым космосом, в котором мириады ярких звезд, а у зрелой женщины космос завален всяким хламом и смердит.

– Яркое сравнение. Налицо факт провокации насилия. Ладно хоть не убил.

– У вас, господин сыщик, профессиональная болезнь, вы любое событие рассматриваете с криминальным уклоном. Он не ее, а себя ударил. Вы хоть понимаете!? Его крайность могла проявиться только в самопожертвовании. И не удивляйтесь, есть люди бескорыстные. Сейчас много говорят об Армии на контрактной основе, но невозможно представить себе солдата закрывающего собой амбразуру за деньги. А он бы мог в душевном порыве.

– Такую глупость даже придумать не просто.

– Теперь я сама что-то не понимаю. Вы что, тоже не верите?

– Как сказать! Не могу например, представить миллиардера патриотом и героем.

– Теперь вы сами видите, какое поколение растет. А Витя Кондаков был настоящим героем. Ненавидел жестокость и выступал за справедливость. Что-то рассказывал про сорочье гнездо... – Татьяна Юрьевна заметила недоумение в глазах Алексина. – Был штормовой ветер, тогда и сдуло гнездо с дерева. Это рядом с его проектной мастерской. Можете улыбаться сколько угодно, а он пожалел птиц. Видел в окно, как они каждый день прилетали на прежнее дерево, и не выдержал – с помощью веревки залез и гнездо восстановил. Уже на совесть. Что-то фантазировал про альтернативную культуру. Сама не поняла. Говорил, воняет, да негде другую взять, поэтому даже актеры бросают театр и убегают в деревню.

– Вот как! Надо было о своей семье так беспокоиться.

– Он всегда мараковал, как бы лучше устроить. Не то что другие – со сцены языком брякать и гениталиями трясти.

– Где же была ваша подруга?

– По ее словам, у пожилой приятельницы. Вы должны понимать, мне известно только то, что удалось услышать от нее лично. На самом деле я тоже ничего не знаю. Лена не отличалась открытостью... какой ей не следовало быть с Виктором.

– Как выражалась скрытность?

– Выражалась? Ну, знаете ли... замалчивание, искажение событий. Боязнь быть неправильно понятой. Наверное, еще как-нибудь.

– Ваш муж пытался ухаживать за Кондаковой?

– Юра? Не знаю. Может быть. Только на серьезные отношения у него нет времени. Водителем автобуса много не заработаешь. Обычно встает рано, подметает двор... Старенький «Москвич» требует постоянного ремонта, а денег всегда не хватает. Вот и подрабатывает в общую копилку. Выходит, не до услады, наперво – работа.

– Вы хорошо про мужа рассказали, – подобрел Алексин, оценив искренность женщины. – Таких мужчин мало.

– Виктор тоже не был болтобаем, а летось участок в деревне приобрел, строиться начал.

– Какой летось? – перестал что-нибудь понимать сыщик.

– Ну, это в прошлом году.

– Откуда вы таких слов набрались? Слова странные, говорок причудливый.

– Нормальный, даже очень выразительный – юргамышский. Моя бабушка умела красиво разговаривать, деда я не помню. Лучше грязных матерков. Говорят, от курящих женщин дурно пахнет. А как воняет от словесных хамов!? Нам с Юрой нравится, мы и начали развлекаться. Вошло в привычку. Витя тоже не аркался.

Татьяна Юрьевна что-то хотела добавить, но только приоткрыла ротик. Ее смуглое личико вдруг потеряло спокойную озабоченность, появилась несвойственная ей нервозность. Она как будто спохватилась, взгляд становился все более колючим, черты лица обострились. Наконец, взяла себя в руки. Поджала губы, сурово процедила:

– Вы слишком навязчивы. Копаетесь в моей личной жизни, но я, как вам известно, не совершала убийство. – Она потеряла интерес к беседе и решительно поднялась. Посмотрела поверх стола на стену. – Зачем-то портрет Дзержинского повесили, будто у нас мало убийц. Как все опротивело! И эти дурацкие вопросы...

– А вы мне голову заморочили своим говором юргамышским. Мы современные люди. Все воспитывались на Пушкине, так изъясняйтесь нормальным языком. Есть писатели, сами знаете... пишут на каком-нибудь древнем наречии, чтобы умней выглядеть. И читают их только краеведы и лингвисты. Правда, тоже удивляются, как это современный автор не научился литературному языку.

– Извините, у меня особенное отношение к допросам и работникам прокуратуры. Есть у них дешевый и доступный способ обрести власть над людьми. Так ведь ума не надо, достаточно иметь полицейскую форму и оружие. Бандиты давно раскусили и берут напрокат или устраиваются в полицию. Потом удивляемся, откуда берутся оборотни в погонах. Где волчий рот, а где и лисий хвост. Теперь и не поймешь, где бандит и кто такой законный представитель власти. Легко перепутать, – усмехнулась Федорова. – Или все в одном лице.

– Понимаю, – развел руками сыщик. – И вы простите! Никто вас не подозревает, идет необходимый сбор информации. Даже напротив – я вам сочувствую. Понимаю, как с потерей подруги обеднел для вас мир. Кстати, в каком дворе подрабатывает ваш муж?

– По местожительству Лены. Так я пойду?

– Да, премного благодарен!

Степан Михайлович удрученно посмотрел вслед Федоровой. За время беседы не увидел он в ее поведении хоть какой-нибудь озабоченности. Потеряла подругу, но не стала растрачивать силы на пустые переживания, сразу переключилась на текущие дела. И сама появилась, только чтобы ей не досаждали. Похоже, в гибели Кондаковых есть скрытая закономерность. Не какая-нибудь космическая, а на бытовом уровне. И непременно касается близкого окружения.

Полдень.

Состояние Алексина можно определить всего одним словом – это неопределенность. И сколько он не бороздил пальцами редющие на затылке волосы, настроение не улучшалось. Причина в отсутствии какой-либо существенной зацепки. Круг знакомых семьи определился,

но все отношения не выходили за пределы деловых связей, хотя характер двойного убийства приводит к мысли о слишком личностных разногласиях. О бывшем муже совсем нечего сказать. Так, сам по себе. Занимался своими делами, что-то было у него на уме, но внешне не проявлялось. В последнее время оба оказались изолированными от внешней действительности, интересы замыкались на личных взаимоотношениях, связанных с надоевшими упреками и, в общем-то, мирным разводом. Так выходило со слов Татьяны Федоровой, а в результате нет хотя бы одной реальной версии. Экспертиза, проделанная ранее по инициативе Довганича, тоже ничего не добавляла, и без нее понятно – преступник проник через окно. Возможно, рассчитывал застать хозяйку одну. Цель не прояснилась, но появление двух трупов – дело случая. Будто злой рок удосужил Виктора Кондакова явиться к бывшей жене именно той злополучной ночью. Вещи не тронуты. А надругательство?.. На лбу женщины вырезано слово – как подпись под добросовестно выполненной работой. Для кого и зачем? Муж попал под горячую руку. Женщине все равно, а свидетелей, конечно, не могло быть. Только психическим расстройством можно объяснить факт неоправданного глумления. Глумление... Все религиозные секты, проводящие обряды с жертвоприношениями, тоже нельзя назвать нормальными, но интересы Кондаковых так далеко не распространялись. Их-то уж точно нельзя назвать сумасшедшими.

Вопросы возникают непреодолимым частоколом, затмевают белый свет, вызывают уже знакомые, и до отвращения склизкие, сомнения насчет своей профессиональной пригодности. Он уже физически ощущал на себе сочувствующий взгляд Люсеньки, слышал ее иронию в его адрес: *Опять Степочка размышлялся, а воз и ныне там*. В любом случае она воздействует на него отрезвляющим образом, приземляет необузданную фантазию. Оперировать надо только фактами, вот. Прямо-таки, факты!? Есть только трупы. Надпись тоже ничего пока не значит, может быть, сделана для отвода глаз – как раз для таких фантазеров, как Алексин.

Обычно, в периоды психологического дискомфорта, Степан Михайлович искал душевное успокоение в окружающей природе, но и здесь не увидел утешительных признаков. После внезапного ливня запотели окна, на подоконнике коварно разрастался прозрачный ручеек. В такие минуты важно сохранить спокойствие, раскованность в мышлении, чтобы не растерять хоть какие-то интеллектуальные наработки.

На первых этапах всех своих расследований он, как правило, уединялся, всегда замыкался на интуитивном мировосприятии. Пытался нащупать причину дисгармонии в воображаемом, более или менее правдоподобном, развитии событий, потом прикладывал усилия для их объяснения. Теперь мышление становится хаотичным из-за множества белых пятен. Объективно существует какой-то фактор, незнание которого и разрушает всякое логическое построение. Офицер?.. Знать бы, где искать. Пока ясно одно, такие преступления случайными не бывают.

Городской телефон прозвенел угрожающе громко. Степан Михайлович испуганно схватил трубку, но быстро пришел в себя. Ничего страшного уже произойти не может, а его защищают родные стены. Надо же было так погрузиться в работу, что даже воображаемые сцены стали частью окружающей действительности. Сделал пару глубоких вдохов, и в голосе появились уверенные интонации.

– Да!? Я слушаю... Что ж, Дмитрий Васильевич, буду рад выслушать вас... Жду!

Последнее слово прозвучало по-мальчишески восторженно, потому что ему повезло. Только он отчаялся, и – нате! Появляется свидетель или еще там кто, предлагает доверительную беседу, открывающую новые факты из жизни Лены Кондаковой. И природа пролилась – уже солнечными лучами, даже ручеек на подоконнике замер, боясь войти в конфликт с мировой гармонией. Самое время для доклада главному своему оппоненту – дорогой Люсеньке. Он взял под мышку папочку и бодро зашагал на кухню, одновременно выполняющую функцию бухгалтерии. В центре расположился обеденный стол, а в углу удобно разместилось место для

бухгалтера. Приятно смотреть на милую женушку, занятую не какой-нибудь ерундой, а серьезным квартальным отчетом. Ладно бы только отчет, но по кухне разносится аппетитный запах борща. Да, у каждой уважающей себя фирмы есть своя кухня, не только решающая организационные и экономические вопросы, но и удовлетворяющая очень даже плотские запросы. Жаль, сотрудники не оценят – все разбежались по делам.

– Дивлюсь на тебя, Алексин, – не отрывая головы от бумаг, пробормотала Людмила. – Вроде обычный человек, а послушаю, так сразу хочется всплакнуть. Давай, докладывай! Что у тебя?

– Полная распутица! – бросив взгляд за окно, твердо заявил Степан Михайлович.

Она повернула к нему раскрасневшееся личико, обрамленное золотистыми локонами, устало распрямила хрупкие плечи – как бы сбрасывая груз повседневных забот. В глазах заискрился веселый огонек.

– Ты что, книжки пишешь? Аллегии на мне проверяешь... Ну и как, версию сочинил? Хотя... – Люсенька безнадежно махнула ручкой. – Ладно, через полчаса приходи обедать! А работа... пару дней пофантазируешь – потом расскажешь. Со-чинитель!

Все! Закончу дело и уйду из профессии, – в который раз подумал Степан Михайлович, широко шагая по коридору. Обидная ирония жены не выходит из головы, болезненно скалывается на самолюбии. Хотя обижаться на Людмилу не стоит, она соответствует его вкусам и любому расследованию придает особую пикантность и романтичность. Как говорится, на ловца и зверь бежит – что не клиент, то обязательно какая-то семейная неразбериха. И Людмила понимает, как раздражают пустые болтушки, всегда говорит по существу. *А может, она права, надо активнее включаться в работу? Меньше аналитики, больше практики.* В ответ на критические выводы у входной двери весело отозвался колокольчик. Степан Михайлович бросил взгляд в сторону просторной прихожей, легко заменяющей холл, и увидел невысокого кругленького человечка. Отутюженный до блеска, с холеным бесцветным лицом. Точно такими же показывают по телевизору высокопоставленных чиновников. С виду властный и самоуверенный. Смотрит водянисто – исподлобья. Тоже изучает Алексина.

– Вижу, агентство не процветает, – буркнул посетитель, протягивая руку. – Петров... Дмитрий Васильевич!

– Что не устраивает?

– Да вот... – Петров совершил круговое движение головой, провел рукой по облысевшей макушке. – Никакой эстетики.

Алексин неопределенно пожал плечами, пропустил Петрова в большую комнату, служившую ему кабинетом, прикрыл за собой дверь. Он не хотел показывать свою радость по поводу появления нового свидетеля и не торопился подводить итог кратковременному наблюдению. Пусть посетитель выговорится, речь – лучшая характеристика.

– Я очень заинтересован в скорейшем раскрытии преступления, – сходу начал Дмитрий Васильевич. – Ценил и опекал Леночку, как родную дочь. Для стимула не прочь выделить вашему агентству из своих фондов. Думаю, для достойного оснащения помещений будет самый раз. Со своей стороны хотел бы следить за ходом расследования, чтобы оценить проделанную работу и определить сумму окончательного вознаграждения – с премиальными, конечно.

– Делом Кондаковых занимается прокуратура. Чем вас майор Довганич не устраивает?

– Знаю эту прокуратуру. У них все поставлено на поток. По горячим следам ничего не нашли. Не ровен час, спустят на тормозах или еще чего похуже. Все какие-то подводные камни, скрытые интересы, а результат непредсказуемый... и не самый лучший.

После вступительной скороговорки Дмитрий Васильевич продолжил уже неспешно – с расстановкой, сознавая собственную значимость, не допуская возражений. Ясная, убедительная речь – продукт многолетней руководящей деятельности. И бог с ним! Спонсоры не мешают. За счет доброжелателей областное УВД обновило свой автопарк, а сам начальник

пересел в новенький «Мерседес». Тихо и безболезненно для бюджета. Похоже, психологию тоже поменял – как бы отстранился от подчиненных, замкнулся в себе. Высокомерие и злая ирония – все, что осталось от прежнего начальника. *Пора себя проверить!* – подумал Алексин.

– Прямо-таки, премиальные! Ничто не сравнится с моральным удовлетворением, – блефанул Степан Михайлович, но тут же поправился. – Сами знаете, в последнее время стало дурным тоном оценивать совесть в денежном эквиваленте. Уж очень набило оскомину. Не подумайте превратно, но у меня премия ассоциируется со взяткой.

– Ну, не надо быть столь категоричным, и не будем опережать события, – движением руки остановил Дмитрий Васильевич. – Всему свое время, премию тоже надо заработать. Вы уже встречались с моим представителем. Так чем лично я могу помочь на данном этапе?

– Елена Владимировна могла проговориться о личных проблемах. Например, там... семейных конфликтах или еще о чем. Наконец, ее окружали самые разные люди, а некоторые нюансы в отношениях могли бы послужить поводом для серьезных поисков.

– Какие лю-юди! – недовольно скривил физиономию Петров. – Их мало осталось. Вокруг невежественный проституированный народ, лишенный исторических корней, одержимый жадой личного обогащения.

– Прямо-таки! А себя кем считаете?

– Я не исключение, и других в высшем руководстве быть не может. Мы как-нибудь покалякаем на эту тему за рюмкой хорошего коньяка. Теперь этот разговор выглядит неуместным.

– Да, но Лена с такими, как вы, общалась.

– Ее власть и деньги не привлекали, она держалась в стороне от крысиной возни. Ей просто надо было перед кем-то выговориться. Часто обижалась на бывшего мужа... В ее дворе частенько собутыльничают бомжи, их тоже нельзя исключать. Мало ли что в голову взбредет. Сами знаете, на что способен вороватый, опустившийся до подворотни, народ.

Кажется, благожелатель долго сдерживался, а теперь его прорвало. Люди в общей своей массе привыкли сидеть на шее у государства, в погоне за длинным рублем теряют свои квартиры, часто промышляют воровством, нередко идут на убийство. Еще немного, и Дмитрий Васильевич предложит вместе вылавливать негодяев, а именно – бомжей. И Степан Михайлович все более симпатизировал гражданской позиции свидетеля, не приемлющего общественного равнодушия, хотя понимал поверхностность восприятия. Для объективной оценки будет время. Главное сейчас – спровоцировать эмоциональные проявления, лучше почувствовать глубину отношений странного свидетеля с погибшей женщиной.

– Чем подкреплялась ваша дружба с Кондаковой? – Он мысленно провел параллель между показаниями Федоровой и обещанным вознаграждением нового клиента.

– А, так – пустяки! Она проверяла работу очистных сооружений и сама помогала правильно оформлять документацию, я тоже в долгу не оставался – проявлял отеческую заботу.

– И только?

– Да! Несмотря на ее привлекательность. Тут уж, извините, возраст. Скрывать не стану, она всегда для меня ассоциировалась с мечтой. Вы понимаете, о чем я говорю? Без нее жизнь теряет смысл. Небольшая блажь, о которой она не догадывалась. – В подтверждение Петров огорченно покачал головой. – Не могу остаться равнодушным, и это все. Разрешите откланяться? Еще много дел, да и шофер заждался.

– Еще один вопрос...

– Слушаю!

– Вы что же, Кондакову продуктами снабжали? Это при вашей-то технической специализации.

– Не стану скрывать и выяснять, кто вам донес. Что было, то было, мелочность не в моем характере. А вы знаете, как меня на заводе прозвали?.. Крокодилом! В своем подсобном хозяй-

стве я только крокодилов не развожу. Справитесь с заданием, я ваше агентство завалю свиной в свежем и копченом виде.

На прощание Алексин благодарно пожал руку Петрову, поймал ответную улыбку. *Удивительный человек*, – подумал он. – *Щедрый!* И насчет бомжей правильно упомянул, как если бы специально изучал двор Кондаковой. Так или иначе появились вехи, можно начинать поиск безымянного *Офицера*.

Характеристика, данная Федоровой своему мужу, заинтриговала Степана Михайловича не на шутку. Конечно, сначала он не придавал особого значения Юре Федорову, не выходящему из-под контроля жены, но после ухода Петрова интуитивно почувствовал связь дворника и бомжей. И как иначе, если каждый день встречаются на общей территории, уже по определению они обязаны соприкоснуться друг с другом. Очень возможно возникали конфликты из-за небрежного отношения к результатам работы дворника, то есть появлялся повод для более тесного общения. То, что поначалу казалось размытым и неопределенным, стало выстраиваться в привлекательную схему. Фундамент для логического построения казался безупречным, и в голове сыщика начал созревать дальнейший план расследования. Он пока не мог определить в предполагаемой схеме точное место для мужа Татьяны Юрьевны, но фигура скромного водителя общественного транспорта вполне годилась для временного заполнения белых пятен. Наконец дворника можно рассматривать как возможного свидетеля самых различных событий, происходящих на территории двора, так или иначе влияющих на общую криминальную обстановку. Как не раскладывать, а в любом варианте объект полезный. Осталось за малым – это лично с ним познакомиться.

Как известно, инвентарь дворников хранится в специальных местах, на так называемых стоянках – маленьких каменных строениях, во множестве рассыпанных по городу. И дворники далеко от них не отходят – рядышком с метлой суетятся или пластиковые бутылки собирают. Но к встрече с Юрой Федоровым надо было подготовиться. Со слов его жены он не отличается общительностью, может дать от ворот поворот. Рабочий день подходил к концу, и Алексин поторопился в ЖЭУ – по месту расположения территории. Нашел мастера, отвечающего за порядок на данном участке, и быстро получил необходимую информацию.

Галина Игнатьевна – чернявая, маленькая, пухленькая женщина лет пятидесяти, внешне очень озабоченная своими обязанностями, не пыталась смягчить личное мнение о дворнике. И вместо него упреки получил Степан Михайлович. В полной мере проявилось недовольство работой Юрика, как она его называла.

– Видно, что старается, но двор требует ежедневного внимания... А у Юрика есть другая работа, свои личные дела. Я практически его не вижу. – Она по-детски шмыгнула носом, обиженно покачала головой. – Когда делаю обход, то замечаю: он работал. Но как!? Да еще засветло, а в восемь его нет...

– А вечерами он бывает?

Только теперь на лице Галины Игнатьевны отразилось нечто среднее между любопытством и удивлением.

– Что-то я с вами разговорилась. – Она смирив его пристальным взглядом.

– Почему у вас такой интерес к нему? Вы с его основной работы? Так он всюду справляется.

– Нет! Хочу повидать старого знакомого. Поэтому интересуюсь, в какое время проще его застать.

– А-а... тогда утром. – Если поначалу она боялась потерять крепкого и непьющего работника, то теперь вмиг утратила интерес к Алексину и, чем-то опять озабоченная, отвернулась.

После семи вечера Степан Михайлович появился у стоянки №5. Со слов Галины Игнатьевны, дворник Федоров для работы предпочитает утренние часы, то есть преждевремен-

ная встреча с ним исключается. Отмычкой он открыл простенький амбарный замок на дощатой двери, по-свойски вошел внутрь. Если кто и обратил на него внимание, то, благодаря его уверенности, наверняка посчитал работником из ЖЭУ. Несколько минут привыкал к полумраку и непривычным запахам. Необходимо было проникнуться образом жизни дворника, понять его психологию, чтобы выработать форму общения. Конечно, у Степана Михайловича, как у всякого профессионального ищейки, в работе присутствуют азарт и потаенная надежда на крупное открытие. А вдруг... И он мобилизовал все внимание на содержимом шлакоблочной постройки.

Вряд ли обнаруженный хлам состоял где-нибудь на учете, на такое имущество не позарится даже последний босьяк. У дальней стены можно насчитать немногочисленный инвентарь: потрепанная метла, ржавая совковая лопата с присохшим цементным раствором, железные грабли, помятое ведро, тележка с покосившимся единственным колесом... На стенах развешено барахло тоже не лучшего качества: мотки проволоки, полустгнившие детские санки, залатанная спецодежда на все времена года. В центре глинобитного пола навалена куча разноцветной ветоши, рядом аккуратно сложена металлическая арматура. К ним-то и стал подбираться Степан Михайлович. Интуиция, что ли?... Скорее всего, сказывался опыт. В мусоре всегда что-нибудь затеряется или отыщется, хочет того Юра или нет.

Алексин переступил через обрезки чугунных труб, аккуратно разгреб кучу тряпок и – замер, приятно пораженный находкой. Под грудой тряпья скрывалась светло-голубая хлопчатобумажная рубаша. Нормальная мужская рубашка, все пуговицы на месте. Хоть сейчас надевай, и – вперед с метлой. Хозяйственный человек, каким является Юрик, не станет выбрасывать добротные вещи. И нет в находке мистики, просто сказала профессиональная интуиция. Сыщик ни разу не отклонился от прямого пути, и, надо же, обнаружил серьезную улику. Или нет? Правая манжетка заскорузла бурым цветом, ближе к локтю рукав расцвечен брызгами того же цвета. Конечно, их происхождение может быть самым невинным. Краска или производственная травма. Рубаша могла появиться еще задолго до Федорова. И все же есть материал для изучения.

Степан Михайлович вынул из кармана малюсенький ножичек – на брелке, сделал соскреб с бурого пятна, упаковал возможную улику в лоскуток полиэтилена, найденного тут же. Хотел было удалиться, но в последний момент почувствовал какую-то неудовлетворенность и вновь стал перебирать пеструю ветошь. В принципе его профессиональный интерес очень походил на азарт игрока: вот-вот он сорвет большой куш. И предчувствие близкого выигрыша не обмануло его – в куче спутанных тряпиц он разглядел цветную фотопленку. Грязная и скомканная, она может оказаться серьезным документом. Впрочем, для романтического человека любая фотография несет огромную информацию. Разыгрывается воображение, изображения наполняются духовной содержательностью, объекты оживают и становятся в один ряд с близким окружением. Всегда присутствует интерес, вызванный необузданной фантазией. Пусть на пленке не окажется прямых улик, но люди могут оказаться с ближайшей территории, и, очень вероятно, в кадры попали Кондаковы, дворник Федоров или кто-нибудь из их знакомых. Также немаловажны отпечатки пальцев. И вообще, чертовски интересно прикоснуться к незнакомой истории и, возможно, чьей-то интимной жизни. Как говорится, мечтать не вредно, а даже очень полезно для повышения жизненного тонуса.

Степан Михайлович прекратил раскопки и оглянулся на распахнутую дверь. В тот же миг какая-то тень отпрянула в сторону. Или ему показалось? Уж очень он увлекся, забыв о нежелательных свидетелях его поисков. Пожалуй, на последней находке можно остановиться, пока не появились неприятности, связанные с хищением чужой собственности. Ему ли не знать о ценности обретенных вещей. Он, как можно натуральней, восстановил прежнюю кучу и поспешил удалиться. Не забыл повесить замок и обследовать участок вокруг строения, хотя в отсутствие дворника его появление могло потревожить разве что кошек. Несмотря

на неизвестность происхождения находок и содержание пленки, он последовательно выстраивал версию.

Обычно чувствительный к природе, он даже не замечал особой прелести вечера, не ощущал пьянящего благоухания черемухи, пышным цветом раскинувшейся у подъезда Кондаковых. Внимание сторонних людей его еще меньше интересовало. Но вдруг остановился, поднял голову, будто услышал призыв Лены. Черт побери! Жертва предстала во всей своей соблазнительной плоти. Или на него повлиял вид цветущего дерева. А что если Федоров действительно имел на нее какие-нибудь виды... Разве не странно, что время устройства на работу в ЖЭУ совпадает с распадом семьи Кондаковых?

Версия представляется реалистичной, нуждается в осмыслении, и Степан Михайлович присаживается на скамейку под черемухой. Не возникает душевного трепета от прикосновения к таинствам чужих межличностных отношений. Должно быть, появляется привычка к драматическим событиям, имеющим начало в *Чертовке* и связанным с *Тайной двоих*. Не слишком утешительно. Именно тогда его покинула любимая женщина. Вдруг почувствовала в нем черствость и меркантильность, чуждые ее душевным качествам. Заставила его переосмыслить собственную жизнь, увидеть в ней истинную ценность. И думалось о прежних расследованиях и пережитых событиях без трепета, но с непреходящей грустью. Как говорится, мертвое мертвым, а сыщику нужны живые свидетели. Он часто мысленно советуется с Людмилой Николаевной как возможным помощником и оппонентом. Или даже не так, он общается со всеми людьми, которые так или иначе оставили существенный след в его душе и сознании.

А что скажет Люся о его версии? Можно ли считать Кондакову порядочной женщиной, верной женой? Все зависит от того, любила ли она своего мужа. Да, она устала от ежедневного недовольства Виктора, его недоверия. Долго искала выход, не могла решиться на развод. Любила?... Нельзя разом перечеркнуть историю совместной жизни. И как обманывать самого близкого на свете человека, которому доверяешь собственную жизнь. Или все не так? Делить постель и вести общее хозяйство – еще не значит быть самыми близкими людьми. Вообще закономерность совершаемых преступлений кроется в самом обществе. И как бы люди не открещивались от социальной политики внутри страны, она сказывается даже на бытовом уровне. Ее всеведущие щупальца проникают в сознание, калечат психику, развращают душу. Именно по этой причине иногда сыскная работа кажется бессмысленной, как и желание выкачать всю воду из подземного источника, всегда имеется подпитка. И никакая мера наказания не поможет. Факт гибели Кондаковых имеет свою специфику и не может отражать общего состояния общества. Семья оказалась отстраненной и обособленной внутри общества. Но в чем исключительность!? По причине новых экономических условий люди стали сами по себе, из-за денег рушатся семьи, на каждом шагу продается совесть, а Кондаковы погибли в общей постели в один день и час.

Молодец, Люсенька! Но твои домыслы подходят только в отношении непорочной женщины. Лена Кондакова пыталась скрыть факт своего отсутствия в доме отдыха... Кроется ли за этим обманом супружеская измена? Или вовсе нет. Просто муж, по своей возрастной неопытности, не вник в ее психологию. Внешняя сторона поступка вывела его из себя, и он не стал церемониться. Оба не пошли на взаимные уступки, не захотели понять или простить друг друга. Им бы посоветоваться с семейным психологом, но теперь поздно. Все ясно и простительно для страны, не имеющей нравственных ориентиров. Можно поставить точку, если бы не два трупа. Необходимо пообщаться с дворником, возможно, удастся выйти на *Офицера*.

Степан Михайлович настолько увлекся анализом социальных условий и нравственного состояния общества, прошлых расследований и гибели семейной пары, что потерял чувство времени. Спохватился, когда уже сгущались сумерки и стало заметно холодать. Он провел рукой по деревянной скамье и увидел мокрый след. Результат его деятельности? Когда его расследованиям сопутствует смерть. Смешно и совсем непонятно, зачем заниматься несуществу-

ющими людьми, когда есть куча повседневных забот. Нет Кондаковых! Восстановить справедливость? А кто знает, что это такое? Критерии придуманы теми же маленькими человечками, по чьей-то глупой прихоти облеченными властью. Чтобы внешне все выглядело тихо и пристойно.

Еще есть спортивный интерес в поиске преступника, и Степан Михайлович твердо решает утром повстречаться с Федоровым. Слишком подозрительным выглядит совпадение времени его трудоустройства в ЖЭУ с уходом из семьи Виктора Кондакова. Опять же может пригодиться опыт общения дворника с местными бомжами. Возможно, Алексину повезет, и откроются криминальные факты в отношениях обитателей двора. Сыщик уже вечером позвонит и договорится о встрече. Домашний телефон Федоровой у него в записной книжке, и грех будет не воспользоваться знакомством с Татьяной Юрьевной – этой очаровательной и экзотичной брюнеткой. Вечерний аромат черемухи ли на него повлиял, но он уже чувствовал, как в его хитроумно сплетенных сетях трепыхается не какая-нибудь речная мелочь, а весьма приличная акула.

4 июня. Утро.

Была ли ночь отдыха, Степан Михайлович так и не понял. Началось с разговора на кухне, а продолжилось в постели. Он упрямо доказывал Люсеньке, что все исторические конфликты происходили из-за женщин. Да, воюют мужики, а причинами раздора, или подводными камнями, всегда были женщины – в качестве добычи или подстрекательниц. Достаточно вспомнить, как дочь Иродиады в награду за свой танец попросила у Ирода голову Иоанна Крестителя. Это какую же кровожадность надо иметь, чтобы личную прихоть поставить выше величайшей исторической личности! Людмила пыталась робко возражать, потом замолчала и отвернулась к стенке. Он уже никак не мог ее расшевелить. *Никогда не считала тебя таким одноклеточным*, – выставила она локти в ответ на его приставания.

И что он такого особенного сказал?.. В отношении ее выглядело бы, конечно, оскорбительно, но он-то продумывал версию, как если бы виновницей трагедии была сама Лена Кондакова. Незаурядная по внешности женщина запросто могла спровоцировать насилие в отношении себя. Ну, скучно ей стало, решила поиграть и заигралась. Таких нелепостей не счесть, а хорошие мысли всегда приходят с опозданием. Так что для версии такой вариант тоже годится, и потом... целенаправленный поиск поможет сократить время расследования – это лучше, чем тыкать пальцем в небо. После непонимания и обиды со стороны жены сон казался призрачным. И был ли он, если Степану Михайловичу всю ночь грезилось, как он усердно копается в куче грязных тряпок и бессовестно заглядывает в окна Кондаковых. Правда, утром обстановка разрядилась, и, наконец-то, в отношениях с Люсенькой всеми лучами пролилось солнце.

– Ты чего такой? – повернулась она к нему.

– Нет настроения. Не выспался... или вообще не спал.

– Теперь будешь знать, как всех выставлять под одну гребенку.

– Прямо-таки, гребенка! Вся история цивилизации построена на коварстве женщин. Как-то интересовался историей русской церкви, так теперь к любой религии отношусь с недоверием. Не в смысле существования Бога, а в том, как он преподносится Церковью. Ты, конечно, знаешь работы знаменитого портретиста XVIII века Боровиковского. Так вот, он расписывал Могилевский собор, построенный в память свидания Екатерины II и австрийского императора Иосифа. Понимаешь, о чем я говорю?.. Свидание!

– Политика обычно строится на личной выгоде, распространяющейся на окружение, не обязательно быть женщиной. А свидание, конечно, происходило в Могилеве.

– Мы с тобой начали говорить о коварстве. Так вот, Екатерина II в работе художника отождествлялась с царицей небесной, а Потемкин, ее любовник, изображался в качестве архан-

гела Гавриила. Он возвещает ей зачатие от святого духа. Правда, императору Иосифу тоже нашлось место. Понимаешь, на каком уровне интрига!?

– И что дальше?

– Я с тобой советовался по поводу версии с двойным убийством. Могла Кондакова явиться первопричиной трагедии? Ее муж, учитывая его характеристики, плохо вписывается в образ растяпы, способного подставить любимую женщину.

– Какой же ты сочинитель! Конечно, я тебя поняла, но, извини, у меня действительно болела голова. У тебя интересная работа, а я плюхаюсь с этим дурацким бухгалтерским отчетом. Хоть бы посочувствовал, а вместо этого разжигаешь зависть. Так что, миленький, тебе наперед наука.

– А я что... свертывай отчет и принимайся за интересную работу. Как говорится, карты в руки. Ты уже догадалась, есть исключительно женские вопросы.

Мило поговорили, хотя после бессонной ночи голова заболела уже у него. Как могла, Люсенька старалась его приласкать и обнадежить, и в офис они явились в рабочем состоянии. Степан Михайлович тут же пригласил Алексея и Федора в свой кабинет, показал материалы, или возможные улики, со стоянки №5 и попутно выдвинул собственную версию.

– Что-то мне подсказывает, надо разбираться в сфере интересов молодой женщины. Петров тоже дал неплохую *наколку*. Я всю ночь размышлял и не успокоюсь, пока не познакомлюсь со всеми обитателями двора.

– Да ты что, Михайлыч! Нас самих прихватят за поползновения в частную жизнь – достаточно чуточку засветиться. Сам знаешь, с каким негативом на нас косятся в прокуратуре.

– А нам, Федя, нужна только внешняя, всем видимая, сторона. И для начала я принес тебе очень интересную работу. – Алексин достал из кармана аккуратно скрученную фото пленку. – Надо ее бережно отмыть и к вечеру сделать сносные снимки.

– А я что же, один буду бегать за бестолковым и распутным муженьком? – сразу сник Алексей. – Видишь ли, клиентке что-то показалось. Чувствую себя старухой Шапокляк – что-то высматриваю, вынюхиваю... так ведь радости никакой, плюс разочарование. Помню читал у Цвейга про великие чувства замужней женщины и какого-то ловеласа. Так ведь поверил! Теперь каждый день повсюду чудятся предательство и дешевый разврат с вытекающими последствиями. И это душевное величие!?

– Зато нет повода расстраиваться, и он получит по заслугам, – поспешил успокоить Алексин. – Материалы предоставим, как только клиентка созреет для плохих новостей. Есть для тебя срочная работка... – Он достал из кармана целлофановый пакетик с бурой тряпицей. – Надо выяснить, что это за краситель такой.

– Нет проблем, – просветлел Алексей.

– Тогда вперед – за работу, а я разберусь с прошлыми делами.

Алексин старался забыть о деле Кондаковых до первых результатов, связанных с фото пленкой и бурым веществом с рукава рубашки. Для начала позвонил обманутой клиентке по поводу любовных походов ее мужа. Серьезно заниматься ее делом времени не оставалось, хотя материалы собраны в полном объеме. Для начала надо было просто успокоить женщину – ее было искренне жаль. Что-то он наговорил о свободе выбора... принимать или не принимать. Можно подумать, кто-то считает иначе. Как раз свободы выбора и боятся. В данном случае нерадивый муженек боится потерять жену, о жалости с его стороны говорить не приходится – слишком очевиден факт супружеской измены. Подлость не имеет права на прощение. И Степан Михайлович не стремится к мужской солидарности, он поможет женщине разглядеть собственного мужа и сделать соответствующие выводы. Понимает недопустимость личной заинтересованности, и никак не получается оставаться нейтральным наблюдателем. Часто приходится удивляться неразборчивости иных клиентов в выборе спутников жизни. Или они сами не отличаются моральной чистоплотностью. Не страна, а свинарник.

После двенадцати вместе со всеми обедал на кухне – чуть в стороне от бухгалтерского стола, за которым с утра корпела Людмила Николаевна. Потом в своем кабинете перебирал бумаги, подшивал их в папочки и, между прочим, думал о деле Кондаковых. Не получалось у него отвлечься, поэтому он обрадовался скорому появлению Алексея.

– Надо отдать должное твоему усердию, – начал с порога молодой сотрудник. – Стал приносить на экспертизу краску.

– Что-ж, неудача – тоже результат.

– Эта эмаль часто используется для кузовных работ в качестве грунтовки.

– Вот как! А ведь Федоров по основной профессии шофер... и объяснение выглядит правдоподобным. Ты не в курсе... он подрабатывает дворником в том же дворе.

– Это серьезно?

– Очень!

– Может, пустим в разработку?

– Надо еще знать, как подступиться. Здесь лес темный. Ты вот что... я тут сделал папку по поводу нерадивого муженька, так ты ее полистай перед нашей клиенткой. Похоже, ситуацию смягчить у нас не получится, он еще и зарабатывает на женщинах. Такого паразита терпеть невозможно, пусть гонит в шею. Завтра у тебя работа будет посерьезней.

– Тогда я пошел?

– Да, – кивнул Степан Михайлович, но тут же спохватился: – Будь очень деликатным – мы не знаем, как она себя поведет. Все материалы передашь только после окончательной оплаты.

Оставшись один, он нервно заходил по кабинету. Со времени гибели Кондаковых прошла неделя, и теперь драгоценное время продолжает бездарно утекать. Для успокоения пошел на кухню, поцеловал жену в затылок. Присел, маленькими глоточками выпил чашечку кофе. В сущности, его нервозность как раз и состояла из-за большой вероятности не получить от фото пленки полезной информации. С краской ничего не получилось, пленку с уликами тоже никто не станет подбрасывать. Сколько можно терпеть неопределенность!? Он резво поднялся и отправился к Федору. То есть просто пересек небольшой коридорчик.

Надо сказать, Алексин немало потрудился в поисках помещения для офиса. Приобретенная квартира не являлась какой-нибудь типовухой, даже ванная могла бы сравниться с небольшой прачечной. На площади три на четыре метра кроме ванны, раковины и стиральной машины свободно помещались два тумбовых столика с ванночками для химических растворов, а на самой большой стене свободно расположились навесные полочки. Забота о состоянии ванной вполне обоснованно возлагалась на Федора. Здесь он решал производственные вопросы, тут же колдовал над химикатами и фотографиями. Степан Михайлович предусмотрительно постучал, но фотограф не заставил ждать.

– Входи, уже готово.

– Так быстро?

– А ты как думал! Знал, что не успокоишься, так и мне тоже не легче.

– И как? – с волнением в голосе пробормотал сыщик.

– Сам смотри!

Готовые фотографии плавали в ванной, наполовину заполненной водой, при ярком свете от *бра* красиво переливались золотом и нежной зеленью. Глядя на снимки, Степан Михайлович сам пропитывался несказанной нежностью. Он ласково разгонял их по воде. Поочередно вынимал из воды, аккуратно придерживая за уголки, с трогательным умилением рассматривал изображения.

– Ну как? – усмехнулся Федор, вытирая руки махровым полотенцем.

– О большем невозможно мечтать, – дрогнул в голосе Степан Михайлович. – Спасибо, Федя! На сегодня ты свободен, а я еще наведуюсь во двор. Кто-то занимается запрещенной деятельностью, если не сказать похуже.

– Может, вместе?..

– Боюсь, меня уже приметили, а вдвоем и вовсе распугаем.

Вечер.

Конечно, Алексин при виде фотоснимков испытал сильное, хотя и приятное, волнение. Пока добирался до злополучного двора, пытался навести порядок в собственной голове и как-то восстановить душевное равновесие. Время от времени касался нагрудного кармана джинсовой курточки, проверяя на месте ли фотокарточки. Удостоверение и мобильный телефон он заранее убрал в задний карман джинсовых брюк, чтобы не мешались под рукой. Очень возможно, что кого-нибудь с фотопленки он увидит сегодня живьем и сможет понаблюдать со стороны. *Спокойно, спокойно*, – внушал себе и старался все разложить по полочкам. Мало, что ли, сексуально озабоченных, или просто психически нездоровых, людей.

Кому-то вздумалось наблюдать частную жизнь Лены Кондаковой в утренние и вечерние часы. Когда женщина, уставшая от дневных забот, небрежно задергивает шторы, без всякого опасения обнажается, после ванны не торопится накинуть халат. И это все на глазах неизвестного маньяка, нацелившего фотоаппарат в просвет между шторами. Даже тогда, когда внутренность квартиры перекрывала тюль, отчетливо просматривались неприкрытые женские формы. Но кто!? Юра Федоров отпадает, для таких изощренных съемок без профессионализма не обойтись. А он, как выразилась его жена, слишком простоватый и валоватый для высокого искусства. Не менее любопытным выглядит факт присутствия на двух снимках небезызвестного Дмитрия Васильевича. Очень по-домашнему он расположился в комнате Елены Кондаковой. Прямо-таки, посаженный отец. Снимки сделаны настолько умело, что догадаться о какой-нибудь шпионмании невозможно. С Петрова и начиналась вся интимная галерея фотографий. Вроде как скромная увертюра или начало сценария. Сидит умудренный пожилой человек, а перед ним постепенно, шаг за шагом, открываются телесные прелести молодой женщины.

Сыщик всю дорогу, пока находился в маршрутном такси, пытался настроиться на работу, но совсем упустил суть поездки. Ладно, утром мог бы повстречаться с Юрой Федоровым, а сейчас?.. Посидит он на скамейке под цветущей черемухой, а что дальше? Вероятность увидеть кого-нибудь с фотопленки очень мизерная. Есть несколько незнакомых женщин, а в основном снимки сделаны с Лены Кондаковой. Ну, отвлечется от повседневной рутины, получит удовольствие от вечернего благоухания и почувствует атмосферу, в которой произошла трагедия. Как могло случиться!? В самое что ни есть цветущее время года. Кто-то прошелся кирзовыми сапогами по самым светлым чувствам. Кто он этот *Офицер*? Однако есть существенная деталь. Именно кто-то проявляет исключительный интерес к интимной жизни местных жителей. Или даже профессиональный интерес. Профессия? Объясняется большое мастерство при фотосъемке. Случаи, когда подобные фотографии попадают в Интернет, уже не редкость, также они могли быть сделаны с целью шантажа. Местонахождение пленки свидетельствует о присутствии поблизости самого фотографа. Нет, не зря он поехал, очень возможно, Степан Михайлович повстречается с ним именно в этот благоухающий вечер. Инстинкт ищейки не может подвести. На ловца, как говорится, и зверь бежит.

Только конкретизировалась цель поездки, так на душе полегчало. Не случайно он испытывал беспокойство, уже высшие силы направляют его к разгадке жуткой трагедии. Без всякого сомнения, фотопленка и посмертное обезображивание являются последствием нездоровой психики, а в наблюдательности Алексину отказать невозможно. И он с мечтательной, почти счастливой, улыбкой прошелся до подъезда Кондаковых, присел на скамейку под сенью раскидистой черемухи. Место для размышлений, да и наблюдения – тоже, самое удачное. Во-первых, под нависающими кронами дерева праздная фигура сыщика меньше всего привлекает внимания, во-вторых, его взору открывается вся территория двора. И, что немаловажно, сто-

янка дворника находится в непосредственной близости от сыщика, ничто не ускользнет от его бдительного ока.

Выводы Алексина являлись на первый взгляд незначущими, происходили подсознательно, ничего общего не имели с ходом расследования. И все же он прислушивается к мелодии, которая набирает силу, определяет направленность мышления. Он уже точно знает, кто владеет наиболее полной информацией по делу Кондаковых. И Юра Федоров становится все более привлекательным объектом для изучения. Человек несомненно уязвимый, если учесть компрометирующую его фотопленку. Пусть даже не принадлежит лично ему, все равно ее обнаружение именно на стоянке никак нельзя объяснить случайностью. Самый раз дворнику высказаться, как на духу, о темной стороне жизни двора. Маленький шантаж пойдет только на пользу. Ему ничего не стоит опознать людей по фотографиям, наскоро отпечатанным Федором. Ни когда-нибудь, а именно завтра утром, а пока Степан Михайлович сам понаблюдает за людьми. Одно удовольствие радоваться вместе с детворой, предвкушать сладкую встречу с любимой женой. Сейчас он позвонит милой Люсеньке и намекнет о предстоящем вечере.

Степан Михайлович под впечатлением воображаемых успехов и под влиянием цветочного дурмана в деталях представил теплые объятия и незабываемые поцелуи с малиновым привкусом. Все повседневные заботы стали казаться незначительными по сравнению с семейными радостями, и он испытывает легкость необыкновенную. Еще немного, и он не сможет сдерживать собственных чувств, будет счастливо и безудержно смеяться. Можно не сомневаться, так бы и произошло, но чьи-то цепкие и сильные пальцы сомкнулись на его шее. Алексин инстинктивно задергался, пытаясь разжать крепкие щупальца, но безуспешно. В глазах потемнело, и стало все безразлично. Чертовски нехорошо получилось.

Полночь.

Большая груда рыбы холодного копчения. Жирная и пахучая. Очень аппетитная. Крупная морская снесь вводит в искушение. Степан Михайлович хватается за жабры, тянет к себе, уже готов вцепиться зубами в розовую мякоть. Он хочет немедленно утолить голод, но следующий экземпляр кажется соблазнительней, еще аппетитней, и он тянется к более крупной туше. Наконец, запах становится настолько нестерпимым, что обильная слюна ручьем скатывается по небритому подбородку. Казалось бы, ситуация складывается самая парадоксальная, когда полно доступного продукта, а он не может приступить к желаемой трапезе. И почему, спрашивается? При невозможности ответить на простейший вопрос он отрывает голову от запашистой груды. Сначала его глаза начинают удивленно округляться, потом в них появляется осмысленное выражение.

Конечно, Степан Михайлович не долго находился в неведении, он уже успел раньше познакомиться с местом своего невольного пребывания. И теперь его окружают знакомые стены. Со стороны входа пробивается неяркий лунный свет. Под Алексиным – то ли куча вонючего тряпья, то ли еще какого дерьма. Каким-то чудом он остался жив – по непонятной прихоти преступника или по случайности. Воротник рубахи промок от слюны, а при сглатывании болит гортань. Угораздило его в одиночку идти к месту преступления, а всему виной отсутствие информации и, соответственно, недооценка масштабов риска. Тут уж негодяи приложат все усилия, чтобы скрыть свое участие в двойном убийстве. Если даже исполнителем чудовищного замысла являлся один *Офицер*, то вокруг него так или иначе образовался круг невольных свидетелей, по тем или иным причинам не желающих себя высвечивать. Скорее всего, из-за страха за собственное благополучие. Зато самого сыщика уже заметили и сделали правильные выводы. При его слабой защищенности угроза нападения была очевидной. Ладно бы только халатность, так ведь он, как человек с военной подготовкой, в острый момент проявил полную несостоятельность. Чертовски обидно. И Алексей как будто чувствовал – напрашивался в разведку. Напрашивался? Именно в этот день Федор и Алексей на пару должны были

отчитаться перед обиженной женщиной по поводу слежки за ее неверным муженьком. Никто не мешал перенести сроки, но теперь поздно сожалеть.

Способность вращать головой хоть как-то развеяла грустные размышления. Не так уж плохо складывается, если организм функционирует по-прежнему. Главное — один из мерзавцев проявил себя. Проявил? Несомненно, им был Федоров. Хотел убить сыщика, чтобы перекрыть путь к разоблачению *Офицера*. То есть себя? Впрочем, пока забавная версия, и — только. Галина Игнатьевна сказала однозначно о рабочем времени своего подопечного, об изменении распорядка дня не было и речи. И все равно версия наиболее привлекательная. Только дворник может в совершенстве ориентироваться на собственной территории и в любое время без помех входить в собственные владения. Нечего сказать, утешительные выводы. Прямо-таки, пора взвыть от счастья. Должно быть, сказывается отвратительная вонь от грязной ветоши. Пора самому на свалку. Вот как!

Нечеловеческие условия и болезненные ощущения мало способствовали ночному отдыху. Свет перестал пробиваться между расщелинами двери, ночная мгла лишила связи с внешним миром. Похоже все дело идет к дождю. Различные звуки наполняют невидимое пространство. Характерный скрежет может означать присутствие крыс. Поблизости причитает женщина. Поразительный эффект. Будто совсем рядом — достаточно протянуть руку, чтобы коснуться ее плеча. Сетует на свою неудачную судьбу. Неизвестно к кому относятся ее мольбы. Тоскливые и безысходные. Если бы только возможно помочь! Она разговаривает сама с собой, в ночном безлюдье пытается найти ответ. Наверное, у вселенской мудрости.

— Что делается, что делается!.. Я ему и то говорю, вещи не трогай — все внукам достанется, тебя не будет — они останутся. Вот я и говорю, мне-то боле ничего не надо. И зачем?.. Есть хата в деревне, корова-кормилица. Телку зачем продал!? Телку — зачем?

Всхлипывания становились надрывнее. Может быть, женщина выговорила, и слезы облегчения заключали ее речь. С той же стороны послышались тяжелые неспешные шаги. Неприятный прокуренный, или пропитый, голос перебил рыдания женщины. Неясные слова. И ответ, лишенный прежней тоски:

— А я уж боле ничего не прошу. Есть у меня кусок, пара платьев — с этим и проживу. Но зачем телку продал!?

И опять рыдания. Непрошенный собеседник, или обычный ночной проходимец, находил особое удовольствие ворошить голосовые связки ночной плакальщицы. Слышны были причмокивания, хмыканья, похотливая возня. Донеслось нечто вроде шлепка.

— А ты, старая, вовсе не старая. Брось его брось! Я тебе говорю. С коровой ты и без сына проживешь.

— Э-эх! Не смогу я одна, — вздохнула женщина. — Это так, нашло. Вот выплакалась, и на душе полегчало. Пойду-ка домой. Сын-то крепко нонче выпил. Уснул, поди. Так и я прилягу.

— У, язви ее! А может, и не спит вовсе.

— Тебе то что!?

— Хе-хе, сочувствую.

— Ну и ступай с богом!

— Ух, ты какая! К ней с душевным расположением, а она все туда же.

Ответа не последовало. По удаляющимся звукам Алексин предположил, что женщина действительно пошла домой продолжать привычную безрадостную жизнь. Он пожалел ее, и тут же в памяти всплыли мрачные стороны своей, когда-то холостяцкой, жизни и личная неустроенность, связанная с отсутствием теплого участия и чьего-то понимания. Не кстати вспомнился черный чемоданчик, подаренный неуловимым преступником Валерой. Миллион баксов мог бы скрасить бытие многих людей, а Степан Михайлович, после бегства невесты, глубоко страдал, ему было не до плотских удовольствий. Поэтому схоронил деньги под лес-

ным бурьяном. Ах, Милочка-Людмилочка! Степан Михайлович не хотел пользоваться благами цивилизации, ему была противна даже мысль о каких-либо наслаждениях без Людмилы Николаевны. А после ее возвращения хотелось личную радость распространить на весь мир. Радость? На всей планете люди пытаются досадить друг другу, подавить чью-то волю, обратить кого-то в рабство. При всех масштабах человеческой гнусности личные переживания становятся менее значительными.

К стоянке приближались все те же неспешные, или даже осторожные, шаги, как если бы ночной путешественник опасливо нащупывал почву под ногами. Вряд ли неуверенность связана с отсутствием хорошей видимости. Даже кажется странным, что ночная жизнь может быть такой насыщенной, и каждого человека где-то может поджидать бессмысленная жестокость. Небо прояснилось, и Алексин мог оценить границы временного пристанища. Укрыться негде, и надо готовиться к встрече с собеседником ночной плакальщицы. Да, осталось только убедиться в правильности выводов и собственной умственной состоятельности. Даже при всех объективных факторах ему не верится, что это именно он оказался в нелепом положении. Кажется, достаточно ущипнуть себя, чтобы уверенно сослаться на болезненное воображение. Он мог бы посчитать происходящие события обычным сновидением, если бы не физические, достаточно болезненные, глотательные ощущения. Для пущей уверенности в реальности происходящего он пошарил по карманам в поисках мобильного телефона. Кажется, с ним здорово не церемонились, обыскали основательно, лишив связи с внешним миром. Правда, удостоверение и деньги остались вне поля внимания неизвестного мародера. Неизвестный? Есть о чем подумывать.

Лязгнул замок, и в следующее мгновение тусклый свет от луны пролился на кучу тряпок, на которых только что по-барски располагался Степан Михайлович. В проеме обрисовался силуэт кряжистого бородатого мужичка. Человек рылся в карманах огромного пиджака – явно с чужого плеча. Несомненно, в поисках спичек, если таковые у него имелись.

– У, язви ее! – буркнул мужичок, приблизив к глазам растопыренные пальцы. Поплевал на ладонь и стал ее обтирать о полу пиджака.

Степан Михайлович, укрывшись за одноколенной тележкой, готовился к неизбежной развязке. Складывалось впечатление, что в карманах незнакомца находилось отхожее место, раз уж он усиленно и брезгливо пытается очистить руку. Вдруг сыщика осенило. Что казалось грязновато-липким, предстало в новом, привлекательном для него, качестве, а именно – развлекательным приключением с возможностью познакомиться с малоизвестной стороной жизни двора, найти хоть какие-нибудь факты для подтверждения последней версии.

– Ты никак домой пришел, – отрешенно произнес он, с некоторым злорадством наблюдая растерянность пришельца.

– Кто ты!? – осипшим от испуга голосом прошамкал ночной странник.

– Такой же, как ты – божий посланник. Только ты по своей воле, а меня сюда насильно впихнули.

– А-а, – раздумчиво прогнусавил тот. – А кто тебя... это впихнул? Не знаешь. То-то... У, язви ее! Кто ты такой!? Меня всякими штучками не проведешь. Я здесь хозяин.

– Вот и будь им. Уважь гостя.

Кажется, человек думал и набирался уверенности. С неторопливостью основательного человека вынул из одного кармана спички, из другого – свечку. Яркий свет озарил его лицо. Ничего особенного. Люди с такими лицами встречаются у входа в церковь во время богослужения, не гнушаются мелкими подаяниями и, с поддельно-радостными гримасами, молятся вслед щедрым благодетелям.

– Ты прав, добр человек. Для меня ты, прежде всего, гость, посланный всевышним.

Он также, не спеша, вынул из внутреннего кармана потрепанного пиджака початую пол-литровую бутылку красноватой жидкости – без этикетки. Таким же образом появилась све-

жая газета. Наверное, заменяла мужичку радио и телевизор. На газету поставил поллитровку. Скромный натюрморт украсил пластиковым стаканчиком и краюхой белого хлеба. Порылся еще в карманах – раздобыл пару карамелек. Такое хлебосоольство вконец развеселило Алексина.

Молча, по очереди, выпили, зажевали конфетками. Также бессловесно посидели, ощущая воздействие благодатной влаги. Удовлетворенные достигнутым, воззрились друг на друга. Большая овальная борода с проседью и нечесаная шевелюра мужичка контрастировали с молодым блеском черных глаз, в которых просматривалась недюжинная внутренняя энергия.

– Меня кто-то крепко придушил и затащил сюда... в надежде, что я уже никогда не увижу белый свет. – Алексин внимательно глянул на собутыльника в ожидании соответствующей реакции. – Прямо-таки, без объяснений.

– Я верю тебе... Продолжай.

– У меня профессия – искать негодяев...

– Понятно.

– Кто-то из них настиг меня в недобрый час.

– Всякое бывает. А чего не бывает, если такая профессия, – невозмутимо поддержал собеседник.

– Вижу, ты человек, умудренный опытом. – Степан Михайлович сам удивлялся своему лицемерию, но продолжал исполнять не свойственную ему роль. – Каким ветром тебя занесло в неблагоустроенный *сортир*?

– А что!? Место уютное, лучше дырявой бочки Диогена. Ничто не отвлекает. Размышляю о судьбах отдельных людей и всего человечества.

– Философ, значит.

– Подтверждаю без ложной скромности.

– И видишь все, что происходит по ночам?

– Понимаю, чего доискиваешься, начальник. Скажу без обиняков, видел!

– Кого!?

Разговор приобретал остроту, и Алексин забыл про личную неудачу, связанную то ли с Федоровым, то ли с безымянным *Офицером*. Он готов мчаться по следам очередного потенциального преступника, только бы взять реванш за вынужденное унижение и оскорбленное самолюбие. С ним резко контрастировал собеседник. Своим благодушием и невозмутимостью подавлял инстинкт погони, выводил сыщика из себя.

– Того и видел. – Из бороды просочился клокочущий смех. – Был он весь из себя неказистый, и вовсе немолодой – моих лет, наверное. При луне разглядел на нем новенький джинсовый костюм. Еще подумал, не след рядиться под молодежь. Надо уважать свой возраст. А лицо... плохо различалось лицо, затеняла кепка. Да разве разглядишь ночью... И кепка свалилась, язвы ее... В общем, плешивая голова, не сравнить с моей прической.

– Что он делал?

– Что?.. А бог его знает! Наверно, чего-то искал здесь. Сюда заходил. Я не мешал, следил из-за кустов. Вдруг чего-нибудь отыщет, чего я не знаю... А ушел с пустыми руками, хе-хе.

Странный собеседник. Смахивает на цыгана, и повадки как будто плутовские. Глазами шарит по углам, на сыщика не смотрит. Такому человеку доверять невозможно. И как можно!? Обстоятельства встречи, алкогольный суррогат, устойчивый запах копченой рыбы лишают Степана Михайловича способности здраво оценивать обстановку. Перед глазами стали появляться причудливые видения, а возникающие в сознании образы только отдаленно соответствовали доносившемуся монологу. Иногда ему казалось, что никого рядом нет, а фразы наговаривает порывистый ветер, крепко уцепившийся за дощатую дверь. Степан Михайлович тряхнул головой, чтобы как-то освободиться от наваждений и не терять чувство реальности.

– Не любишь ты правоохранительные органы.

– А за что вас уважать? Государство любезничает с проходимцами из своих структур, зато безжалостно расправляется с мужественными и порядочными людьми. Чтобы, значит, не смели на свой страх и риск вступаться за братьев и сестер, брошенных на растерзание бессовестным торгашам. Ты только вдумайся... без мундира и табельного оружия, не защищенные законом, народные герои пытаются залатать прорехи в работе вашей системы. Люди великой душевности и глубоко духовные. Ты вдумайся... А законы защищают коррумпированную элиту. Каково, а!? – Бородатый философ глотнул из стаканчика, почмокал и продолжил: – Политические пустозвоны бьются за сферы влияния, им справедливый порядок не нужен, чтобы не оказаться в стороне от сытного пирога. А то государство... оно не бывает гуманным к порядочным людям, потому что поддерживает только крупный капитал, а гражданам цинично позволяет стать средством производства и пушечным мясом. Нейтральное, и самое объективное, большинство лишено права публично высказывать собственное мнение, поэтому не имеет возможности повлиять на политические решения. И государственное устройство никогда не будет справедливым.

– Ты вот что... как ты сам очутился в этом *сортуре*?

– Иногда захожу для смены обстановки и просто так – глотнуть адреналина. Художник я, фотограф то есть.

– Хватит врать то! – вмиг протрезвел Степан Михайлович. – Чем докажешь, и где твой фотоаппарат?

– Обижаешь, начальник. Была у меня мастерская, да бросить пришлось.

– Как это?

– А то не знаешь. Был у меня компрометирующий материал, и я недооценил клиента. Сам помозгуй... Разбомбили мою мастерскую, теперь скрываюсь. Чего тут не понять. Большущие деньги зарабатывал, тебе и не снилось.

Любопытная штука получается. Прямо-таки, штука!? Великая удача выпала на долю Степана Михайловича, и все благодаря покушению на его единственную и неповторимую жизнь. Вполне может получиться, что он войдет в историю криминалистики. Кроме него никто бы не додумался таким, на первый взгляд – немудреным способом, выйти на крупного шантажиста. Объясняется происхождение фото пленки, а также выбор объектов для съемки. Обнаженные ракурсы Лены Кондаковой и присутствие высокочтимого клиента Петрова для кого-то могут много значить. К сожалению, фотографии украдены вместе с телефоном. Грубая работа, когда в панике за ценой не стоят. Кого и что именно напугало?

– Хороший специалист? Уважаю профессионалов. Мог бы стать журналистом, а скатился... – Степан Михайлович покрутил головой, охватывая взглядом маленькое пространство, в недоумении развел руки. – Как можно мириться с такой убогостью.

– А ты не хай мою жизнь, сначала помозгуй с мое. Возьми к примеру миллиардеров. Чем они лучше меня живут?

– Роскошь, питание, сексуальные партнеры...

– О, конечно! Есть еще *звезды* из шоу-бизнеса. Им что! Страна для них не имеет границ, всюду корпоративные вечеринки с не мерянными деньгами. Звезда она и есть звезда, и на елке новогодней горит ее... как ее там... Внешние атрибуты – дело воспитания и вкуса, их можно в расчет не брать. Питание у меня более изысканное и разнообразное. Порой воображение не угонится за гостинцами, предоставленными в мусорных контейнерах. Есть пища и для философских размышлений. Я могу с большой точностью охарактеризовать людей и образ их жизни, дегустируя продукты с их праздничного стола. Каждый день у кого-нибудь да праздник есть.

– Не противно собирать объедки?

– Лучше, чем работать на хапуг, а я не хочу быть рабом. Мы живем в разных странах. Они живут, где шоу-бизнес, ворованные заводы, гигантские – не по заслугам, зарплаты и модная

одежда. Я существую в стране, где нищенская пенсия, голодные и больные дети, проститутки на панели.

– Выходит, сидишь на шее у государства.

– Не скажи! Это государственные структуры разрастаются, как раковые метастазы, своими поборами безжалостно душат народ. Язвы их! Чиновников стало больше миллиона. Боятся инфляции, поэтому мизерными зарплатами и жалкими пенсиями держат стариков на голодном пайке. Называется прожиточным минимумом. Соответственно увеличиваются доходы чиновников и буржуев. – Фотограф с минуту помолчал, как будто разглядывая Алексина. – Искал работу по специальности – не получилось. Пробовал получать пособие по безработице, да разве чего добьешься. Фонд занятости создан исключительно для трудоустройства родственников коррумпированных чиновников. Ни одного специалиста по занятости, но условия... Зарплату получать не надо, достаточно прийти чай попить.

– А так лучше – с обедами?

– Обеды, говоришь... Для собачек и голубей не побрезгую, но для себя беру цельные продукты. Остались еще богатые и благонравные попечители.

– Прямо-таки, попечители! Небось, женщин тоже поставляют.

– Этого добра и без них хватает. Большой выбор. Вот и думаешь, кого из голливудских звезд поиметь хочется. Наши звезды, как сам знаешь, примитивнее и противнее, надоели с их личной нечистоплотной жизнью. Все СМИ пропитались их спермой, запахом гениталий и дорогой парфюмерией. А в темноте кого угодно вообразить можно.

– Чем они тебе не угодили?

– В том-то и дело, что надоели своим бесконечным шоу-бизнесом. За деньги из трусов выпрыгивают, подыгрывают вороватым олигархам и чиновникам. А журналисты, как ни смешно, обращаются к ним за мудростью. А так хочется порядочности, язвы их!

– Уж очень предвзято получается. Не могу отвечать за всех, но у многих людей есть кумиры из артистов. Эти поклонники любят искусство, старятся вместе с любимыми актерами, также им сопереживают. Вместе с их смертью уходит эпоха, без них тоскливо жить и уже не так страшно умирать.

– Вот! Простые люди умирают без показухи, а эти знаменитости агонизируют так, что и общество не может удержаться от слез. А может, *звезды* – это не люди, а божества?

– Вижу, тебя ничто не сломит. Так и ты добивайся признания – как фотограф. С твоими мозгами и закалкой можешь умные статьи писать.

– Скучно. Указывают все, кому не лень. На первую полосу газеты суют какого-нибудь передовика, удобного высшему руководству, на второй полосе обязательно производственная тема, на третьей – что-то из политики, четвертая полоса не имеет жестких ограничений, но все равно приходится считаться со вкусами главного редактора. Все это не по мне. Выставки – да, у меня дипломов не счесть.

– Фотоаппарат есть? – С затаенной надеждой сыщик глянул на собеседника.

– С собой не взял. Я все по старинке, не люблю цифровые фотокамеры, а серьезный инструмент просто так в карман не положишь.

Обитатель стоянки усмехался и периодически ворошил пятерней непокорную шевелюру. Большая всклокоченная борода созвучно подергивалась, что являлось пусть и единственным, но хоть каким-то признаком реально происходящей беседы. Тяжелый взгляд остановился на сыщике, на мгновение прояснился и кривым ножом застрял в сознании Алексина.

Виктор стоял у железнодорожного полотна и грустно смотрел вслед удаляющейся Ленки. Ее длинные золотистые волосы и полы расстегнутого светло-кремового плаща развевались от быстрого движения. Она не оборачивалась. Неведомая сила гнала ее. Куда?

Необычно и приятно, когда осень и весна дружно соседствуют. Буйная зелень пересекается ровными рядами увядающей травы, будто шпалами железнодорожного пути. И вся жизнь – железная дорога? С ритмичным стуком колес и поскрипыванием рессор. Настолько привыкаешь, что уже не замечаешь каждодневного дискомфорта. Но вдруг останавливаешься и удивляешься, как раньше не обращал внимания, и уже поздно исправлять. Нет чтобы всегда проявлялась добрая любознательность, так нет – все куда-то бежим, бездумно растаптываем ростки цветочной нежности. В преходящих мелочах просчитываем до миллиметра, а по крупному счету впустую растрачиваем жизнь. *Куда же ты, Лена, бежишь? Там – пустота, никто тебя не ждет. Оглянись, посмотри вокруг!*

Сон отступает, но остается усталость от ночных переживаний и не покидают предчувствия каких-то страшных последствий. Уже и сомнений нет, расставание с Леной становится катастрофой для них обоих. Иначе думать невозможно, когда духовный мир теряет устойчивость, нет нравственных ориентиров. Не будет завораживающей мечты, придающей смысл всякой деятельности. Он уже чувствует дыхание смерти. Такое состояние невыносимо. Нельзя допустить морального разложения, надо Лену тоже предостеречь о близкой опасности. Виктор протягивает руку, включает бра, смотрит в темный квадрат окна. Пространство распаивается, и мириады звезд выплескивают призыв к душевному освобождению.

Он сбрасывает одеяло, спрыгивает с постели, начинает лихорадочно одеваться. В завершение надел спортивные кроссовки и легкую курточку. Пять минут спустя его фигура тенью скользит мимо опорных столбов трамвайных линий и мрачных силуэтов зданий. На глаза попадают остатки лежалого снега. Жалкие отзвуки прошедшей зимы? Упрямо цепляются за островки бесхозного мусора. И он пытается вернуть драгоценное время – такое же необратимое, как прошлогодний снег. А надо ли? Под ноги попадают зазеленелые лужи. Не долго расшибиться на склизком пути. И возможно ли исправить? Транспорт не оживляет вымершие улицы, но есть огромное желание достичь цели, броситься на грудь милой Ленки и забыться, теперь уже в счастливом сне. Потому что возвращать или исправлять нечего, вместе они составляют единый совершенный организм. И она споев ему колыбельную песню: *Спи, Витек, спи, мой рыцарь...* Наконец-то все образуется. Это так естественно, когда один человек великодушно отвечает на страстный порыв другого. Ее глаза затуманятся, и она произнесет те самые единственные слова: *А все же я люблю тебя, Витька!* И он ей скажет... Нет, ничего не ответит, просто крепче прижмет.

И он торопится, преодолевает пространство и время, но, вопреки всяким законам физики, желанная цель только отдаляется. Быть может, ничего не происходит, а ему только мерещится? Горький сон длиной в жизнь. Он бежит по безлюдным улицам с тусклым освещением, пытается обнять витающий в воображении образ Лены. Спешит. Куда все спешат? Надо бы оглянуться. Уже не остановить.

5 июня. Утро.

Прямое указание на лысоватого человека в кепке давало повод для размышлений, но никаким образом не связывало его с *Офицером*. *Лысый*, как его окрестил Алексин, мог иметь во дворе личные интересы и необычным поведением привлечь к себе внимание. Заходил внутрь стоянки, то есть посягнул на чужую территорию. Так ведь и сыщик пострадал по той же причине. И потом... трудно представить пожилого человека в роли Отелло да еще по отношению к молодой энергичной женщине. Тут у самого здоровья не хватит. Скорее всего, убийству предшествовало какое-нибудь сложное хитросплетение. Например, очумевший от страсти *Офицер* проникает в квартиру возлюбленной, застаев ее в объятиях бывшего мужа. Приступ ревности, и...

Как бы не горел Степан Михайлович желанием сразу определиться с направлением поиска виновника двойного убийства, границы расследования никак не очерчивались. Если

придерживаться предварительной версии о причастности к убийству безымянного *Офицера*, то под ним можно подразумевать любого сексуально озабоченного человека. И не обязательно военного или молодого. То есть даже *Лысого*? Вот как! Дворника тоже нельзя упускать из вида. Тот еще прохвост! Ненавязчиво подбирался к Лене Кондаковой, вроде как оказывал моральную поддержку. Юру тоже надо ставить в цепочку умозаключений. Конечно, с *Лысым* и дворником проще, они меньше всего смахивают на убийц, их возьмут в разработку Федор и Алексей – так, на всякий случай, для полноты расследования. Сам Степан Михайлович продолжит поиски обезличенного *Офицера*. Пусть с неопределенной ориентировкой трудно искать убийцу, но ему не привыкать разгадывать психологические ребусы – хотя бы по причине житейского опыта.

Итак, дворник напрашивался Кондаковой в любовники, а та, в свою очередь, завела интрижку с *Офицером*. Наверное, подала повод, если *Офицер* посчитал вправе контролировать ее поступки. Юра Федоров терзался ревностью и не переставал преследовать красивую женщину, но плохо верится в его причастность к отвратительному убийству. Надо бы еще разобраться с *Лысым*, чтобы окончательно отместить его в качестве *Офицера*. Оба не виновны, но в итоге происходит трагедия... Получается, убийца – не из близкого окружения Кондаковых. А на следователя покушался дворник? Опять же нет у него причин рисковать, он даже не знает сыщика. Тогда кто?.. Клубок получается все более запутанным, с косвенным участием нескольких людей.

Несмотря на пережитые впечатления и усталость от застольной беседы, Степан Михайлович решил дожидаться Федорова. Тем более, философ любезно предложил располагаться как дома, сам ушел *по делам*. Он обременен судебными тяжбами по возврату фотомастерской, не теряет надежды обрести прежний имидж. Прямо-таки, из кожи лезет для возврата утерянного бизнеса и не догадывается, что по нем тюрьма плачет. За грязные поползновения в частную жизнь отвечать придется, и Степан Михайлович приложит усилия в качестве сыщика и свидетеля – одновременно, чтобы раз и навсегда отбить охоту заглядывать в чужие окна. Не в характере сыщика цацкаться с прохвостами, ему претит даже мысль об оскорбительном подглядывании. Его профессия связана только с поисками истины, то есть он исследует людей во всех их психологических проявлениях – исключительно в целях раскрытия преступлений, вот.

Утреннее затишье благоприятно сказывалось на психике, приносило уверенность в торжество справедливости, как вдруг входная дверь содрогнулась от сильного удара и закричала под навалившей тяжестью. Такая грубая бесцеремонность способна воскресить даже мертвого, и Степан Михайлович вышел из дремотного состояния. Он с трудом поднял отяжелевшие веки, повел мутным взглядом. Через щели деревянного полотна просачивались первые лучи утреннего солнца. Время наиболее приятного сна. Наверное, Юра Федоров не находил себе места, если покинул постель жены в такую рань. Федоров? Сыщик не стал дожидаться появления одного из фигурантов начатого расследования, он заблаговременно принял безжизненную позу. Кем бы ни был новый посетитель, в любом случае надо быть начеку. И все бы ничего, но никак не унять внезапно возникшую дрожь. Возможно, сказывалась утренняя прохлада, или выпивка не пошла на пользу. Так ему никто и не обещал блюдечка с голубой каемкой. Степан Михайлович был готов к любому развитию событий и возможным физическим испытаниям, не в его характере праздновать труса.

Для какого-нибудь коллеги из областной прокуратуры поведение Алексина может показаться легкомысленным ребячеством, недопустимым для серьезного профессионала. У каждого сыщика могут быть свои методы работы, связанные с личной психологией, а Степан Михайлович знает наверняка, как важно не упустить любых нюансов в поведении преступника. Чтобы потом не делать обманчивых выводов и не строить никому не нужных предположений. По этой же причине он провел ночь в грязном сарае в обществе непонятно какого бомжа. При

оценке своей находчивости сыщик даже мысленно улыбнулся. Да, при известной лживости и коварстве людей полностью можно доверять только собственным глазам и ушам.

Степан Михайлович понял, что переоценил свою смекалку, когда поток проклятий и чертыханий ошеломил его, а грубая мешковина больно саданула по лицу. Дворник не удосужился проверить его на живучесть, а сходу начал упаковывать для транспортировки. Федоров? Пусть даже не дворник, все равно события происходят во дворе и обязательно связаны с местным населением. На минуту мрачная процедура приостановилась, и сыщик почувствовал, как ему возвращают в задний карман брюк сотовый телефон. Не остается сомнений в продуманной и целенаправленной ликвидации следов преступления. Его сбросят в реку или закопают в каком-нибудь котловане, как он однажды зарыл черный чемоданчик с миллионом. Все вещи при нем, ничто не связывает его с внешним миром. Если сейчас подать сигнал, то жизнь может сократиться до нескольких мгновений. Неосмотрительно позволил ограничить себя в движениях – сначала мешок, а поверх еще и веревка. Близок телефон, так не дотянуться. И не надо! Степан Михайлович верит в своего ангела-хранителя, он чувствует душевное участие Люсеньки, слышит ее спасительные заклинания.

Судя по тому, как с ним обращаются, потенциальный душегуб не из слабого десятка. Без труда взвалил Степана Михайловича на широкую спину, прикрыл за собой дверь и легкой подрагивающей походкой направился в известном только ему направлении. Единственное, о чем может догадываться несчастный сыщик, – это по какому покрытию ступает носильщик. Сначала ощущался асфальт, потом шаги заглушались травой и хрустом веток. По интуитивному восприятию времени и знанию планировки жилого квартала можно предположить маршрут следования. Не так уж и плохо быть похороненным в городском парке – это в каких-нибудь ста метрах от злосчастного двора. Богатейшая флора и экспонаты боевой техники с полей сражений. Лучшего обрамления для могилы опростоволосившегося сыщика вообразить невозможно. Надо ждать скорой развязки. Действительно, неутомимый носильщик остановился и стал в нерешительности разворачиваться в разные стороны. Ищет место для погребения? Сказывается неопытность. Выходит, не совсем конченный человек, может выйти на путь исправления. Вообще-то, все российские приговоры, за исключением пожизненного заключения, рассчитаны на перевоспитание даже маньяков-педофилов. Поэтому идет планомерное истребление ангельских, то есть детских, душ этими, уже отбывшими наказание и, как будто, перевоспитанными, негодяями. Сейчас Алексина отпустят, и в нем, вопреки фактам, окрепнет вера в духовный прогресс всего человечества и российского криминального сообщества – в частности. В подтверждение спорности любых выводов сильно пахнуло бензином, хлопнула автомобильная дверка. Неестественно громко прозвучал очень знакомый командный голос:

– Бросай как есть! Следов нигде не оставил?

– По траве шел.

– Дурак! Это тебе не вода. И потом... я о другом.

– Может, распеленать его, чтобы выглядел естественно?

– Ну, это само собой, а пока пусть лежит закутанный... Кстати, улики принес?.. Убери подальше. – После недолгой паузы голос приобрел резкость. – Бросай, что ли!

И бросили, стукнув головой о дверку. Засунули подальше вглубь салона. Это называется, отпустили. Заработал двигатель, и голоса доносились уже приглушенно, будто издалика.

– Надо же, совсем не закоченел.

– Всего-то ночь прошла, – пояснил все тот же властный голос. – Всеу свое время.

– Время, время... Дмитрий Васильевич, мясо подкинешь ради такого случая?

Вот те раз! Сыщик был настолько обескуражен, что при желании не смог бы связать двух слов. При самой богатой фантазии такое вообразить невозможно. Ладно бы только присутствие Петрова на фотографиях бородатого шантажиста, так он еще является организатором операции по устранению детектива. В голове не укладывается. Голос удивительно похож, но Степан

Михайлович мысли не допускал о чудовищном коварстве. Зачем, спрашивается, обращаться с просьбой об альтернативном расследовании, а потом идти на преступление с целью уничтожения следов своего появления в агентстве. Можно было просто отказаться от услуг сыщика, и причин долго искать не надо. Знать бы еще, что за крепкий парень придушил сыщика. Неужто Юрик?

– Хрен с ним – с мясом! Ты лучше обрати внимание на природу. Все благоухает, каждая пташка радуется пробуждению дня. А ты: мя-ясо... Не хлебом единым жив человек. – Лирические интонации приобретали все более возвышенный характер. – Мы топчемся по грешной земле и не замечаем, как прекрасна жизнь... Я тебе вот что скажу... не хотелось быть администратором. С детства увлекался рисованием. Каждая птичка, или там еще какая козявка, сама просилась на лист бумаги. И я рисовал. Видишь ли, это вроде опьянения. Когда проникнешь в тайны природы, тут уж, извини, просыпается поэт. Душа поет... Стихи писал. Даже посылал в журналы.

– Печатали?

– Нет. Отвечали, не соответствует литературным требованиям. Но суть не в публикациях. Главное – самовоспитание. Ты что же, думаешь, родители тебя воспитывали, школа? Э-э, нет, весь окружающий мир оказывал влияние – в своей совокупности. Он, этот мир, за тебя несет ответственность, его и судить надо за допущенные ошибки. А все мы, маленькие козявки, являемся жертвами объективных обстоятельств.

– Ну и надоед ты, старый болтобай! – вдруг обозлился парень. – Гуторишь, как портянку жуешь. Воспитывать меня собрался!? Все живем, как в гайне.

Наступила напряженная пауза. Уже и сомнений не оставалось в принадлежности голоса мужу Татьяны Юрьевны с ее юргамышским говором. Можно подозревать, что лирический разговор добром не кончится. Благоухание летнего утра и чириканье птичек здесь не помогут. Желание Дмитрия Васильевича закрепить свое духовное превосходство не увенчалось успехом. Как говорится, не в коня овес. Однако его голос стал более чем задушевым.

– Я и сам думаю, к чему бы это. Возможно, совесть пробудилась. Ведь на твоей душе, Юрочка, смерть следователя – лучшего, можно сказать, представителя российского сыска. Не ровен час, начнет во сне приходить.

– Скажи спасибо, за тебя делаю грязную работу. И в колья, и в мелья, и, как говорится, в лес по дрова, – огрызнулся новоиспеченный убийца. – Они бы здорово подъехали к нам. Потом доказывай, что ты не козел.

Речь Юры не отличалась той изысканностью, какую проявляла его жена, была по-мужички грубоватой и занозистой. И удивительным выглядит терпение Петрова, если молча сносит хамство какого-то водителя автобуса.

– Дурак ты, Юра, – отеческим голосом констатировал Дмитрий Васильевич. – Сопоставляешь несоизмеримые вещи. Наклонись-ка, скажу на ушко. Чтобы даже воробьи не слышали.

Машина содрогнулась, в фыркание мотора вплелось тошнотворное хлопанье, как если бы резали поросенка. Алексин мог бы завопить для устрашения, но понимал свои ограниченные возможности. Вместо естественного протеста он сильнее стиснул зубы. Очень хотелось жить, а поэт, художник и администратор, все в одном лице, мог запросто отправить его на тот свет. Также задушевно, как и дворника. Выходит, погиб еще один раб божий – Юра Федоров?

Представилось печальное лицо Татьяны Юрьевны. Ее ясные глаза затуманились, веки чуть опустились, две крупные слезинки скатились к уголкам приоткрытого рта. Красиво очерченные губы беззвучно шевелятся, но Степан Михайлович понимает смысл произносимой фразы. *Как же так могло произойти... Он был всегда добрым ко мне, детям. Неприхотливый в потребностях, на вторую работу пошел, чтобы не истощать семейный бюджет. И совсем неправда, будто Юрочка соблазнился Леной, во всем виноват Офицер.*

Автомобиль взревел, тронулся с места. Его мотало, подбрасывало на ухабах, пока не вытолкнуло на асфальт. Скорость нарастала. Степан Михайлович прикинул, как приятней погибнуть – быть удушенным, зарезанным, утопленным или, все-таки, интересней разбиться на машине. В любом случае талантливый сыщик уже никогда не облагодетельствует своими расследованиями бездарное человечество. *Как хороши, как свежи были розы!* Возможно, отыщут его труп, но уже никто не оросит слезами его, источенное червями, когда-то красивое тело. В тяжком раздумье он глубоко вздохнул и... Трудно поверить, но ничто не стесняло его грудь. Боясь ошибиться в счастливом открытии, Степан Михайлович осторожно пошевелил руками. При желании он сможет легко сбросить мешковину и отстоять право на жизнь. Его специально освободили от веревок и не закрыли в багажнике, чтобы фальсифицировать гибель. Ну нет, такой удачи им не будет. *Обнимая небо крепкими руками, летчик набирает высоту,* – мысленно промурлыкал повеселевший сыщик.

И вот она решающая минута. Автомобиль остановился, обиженно фыркнул и заглох. И уж совсем неожиданно повеяло ветерком с водной свежестью и лесной запашистостью. И это после городской загазованности. Кажется, сама вечность поднимает Степана Михайловича на своих крыльях, вселяет уверенность в торжество справедливости. Рядом легкий шорох, потом – хлопок дверки. Его оставили? Бросили на произвол судьбы не по доброте душевной, а будучи уверенными в его бессловесности. Вопреки логике? Но так хочется думать. В следующую минуту машина качнулась и медленно продолжила свой путь. Очень медленно и беззвучно. Уже все прояснилось, пора активно включаться в игру. Алексин здраво оценивал свои силы и опасался только за психическое здоровье Петрова. Он приготовился воскреснуть, но уже в следующий момент ощутил состояние свободного парения. Всплеск воды и, наконец, медленное погружение на дно водоема.

II

*Если бы ты так завтракал, не
пришлось бы тебе так обедать.*

Диоген

Ленка смотрела на Виктора сквозь растопыренные пальцы – не только с наигранным испугом, но и с любопытством. Она и в мыслях не допускала с его стороны жестокости, просто представить не могла в образе тупого и грубого мужика, способного поднять руку на заведомо более слабого человека. И не хотела верить, что после развода и разъезда он быстро успокоится. Надо чтобы он постоянно думал о ней и страдал от расставания, не пустышка же она какая-нибудь. Существует устоявшееся мнение психологов, что для нормализации отношений требуется ровно половина срока совместной жизни. То есть в первые годы после развода надо ожидать множество самых глупых разборок с бывшими женами и мужьями, но время лечит и все расставляет по своим местам. Поверить невозможно, что когда-то этих людей связывали глубокие чувства, они дня не могли жить друг без друга, в любви родили замечательных детей. И кто виноват? Какой-то ненормальный психотерапевт, сам имеющий двух дочерей, написал, что очень даже естественно для женщин за жизнь иметь от пяти до пятнадцати мужчин, главное – умело скрывать от мужа. Надо думать, что к нему прислушиваются его домохадцы и поступают соответственно. Но какое он имеет право распространять субъективный взгляд на все женское население!? Если верить этому странному специалисту, то не может быть порядочных и честных женщин, а их мужья – все роконосы.

Общество программирует своих сограждан, в лице своих оракулов и кумиров подчиняет отдельную личность общему настроению. И вот уже появилось понятие *сексуальной революции*. Конечно, психологи и политики будут всегда искать обтекаемые термины, далекие от выразительного и точного русского языка, а мужья проживут единственную неповторимую жизнь во лжи и обмане – не свою, а навязанную неверными женами. Какая же должна присутствовать в женщинах неприязнь к мужскому населению, чтобы так искалечить судьбы, надругаться над доверчивыми мужьями – обманом заставить поверить в биологическое отцовство к нагулянным детям. И как Виктор должен относиться к бывшей жене – этой коварной и бессовестной нимфе? Впрочем, нимфа олицетворяет силы природы, для которой не существует такого расхожего у торгашей понятия как совесть. Зато как здорово звучит: *женщина – это сама природа*. Никак без нее нельзя, и с предательством смириться – тоже подобно суициду.

Виктор с чувством обреченности подошел к тумбочке, склонился над фотографией. Он никогда не сможет расстаться с милой дочуркой. А понимает ли жена чудовищность своих поступков? Ее порочность будет передаваться из поколения в поколение, накладывая отпечаток на судьбы невинных созданий. И как важно пройти бок о бок всю жизнь, открыто глядя в глаза друг друга, не запятнав собственной чести. Тогда старость отступает, а жизнь становится светлее. Есть у художника Серова «Девочка с персиком». Самая светлая нежность. Прожила тридцать два года. Позже, в присутствии гостей, ее муж достал картину из чулана, смотрел и повторял: *Да, это правда. Часть Веры осталась в картине*. Но как убедить Ленку, что в их силах сохранить неуязвимую вечность – чистоту отношений!?

Ее тонкий китайский халатик органично вписывается в мягкие формы кресла, поза соответствует атмосфере домашнего уюта и душевного комфорта. Диссонирует его ненависть. Накопленная давно. Неистовая. Не к ней конкретно, а мерзкой отравляющей действительности. Надо переломить себя, освободиться от психологического яда, разъедающего душу, искажающего даже самые невинные человеческие поступки. Но прежде он увидел духовную пропасть, которую обрел благодаря Ленке. Нет веры в людей – того единственного необходи-

мого фундамента, на основе которого возможно строить семейные отношения. Из-за страха именно перед пропастью он должен покончить с женщиной, способной лишить его законного права на свободный выбор. Убить, что ли?.. Не в прямом смысле – физическом, а вытравить ее из собственной души. И правосудие не станет вникать в психологические тонкости, оно рассуждает с присущей ей простотой, лишенной философских заморочек, и необходимостью сохранять стадность. Порядочные люди тоже не нужны, устраивают законопослушные граждане. Конечно, с трибун и в школах пропагандируются чуть ли не коммунистические идеалы, на деле не возбраняется как угодно лавировать среди нелепых законов. Сверху до низу действует простая арифметика: не пойман – не вор.

Удар ладонью пришелся по руке со стороны правого виска, не принес ощутимого вреда. Разве что оглушил ее, развеял сомнения насчет его мужской решительности. Раньше не задумывалась о последствиях двойной жизни, как будто не знала об ответственности за предательство. Почему-то он уверен, она не станет поднимать шум. Так и вышло. И что толку кричать, если каждый день по дому разносятся женские вопли, семейные конфликты стали неотъемлемой частью общественного раскола. Она лишь опрокинулась с кресла, уткнулась лицом в ладони, поджала ноги. Хотела спасти внешность от увечий? В данном случае напрасный труд. Или подыгрывает? Ленка мало походит на улитку, способную прятаться в свою раковину – всегда смотрела открыто. Однако и он не имеет садистских наклонностей, достаточно видеть ее понимание и покорность. И потом... он хотел услышать от нее признание во лжи, мечтал увидеть хоть какие-нибудь проявления искренности и признаки раскаяния. Невозможно смириться с мыслью об иллюзорности совместно прожитой жизни. Счастливая жизнь? Совместность – это не просто территориальное объединение и телесная близость. Как ни странно звучит, но именно в чистых и светлых отношениях проявляется совместность. Тогда что такое любовь? Любить можно даже чужие страдания, и, соответственно, быть садистом. Значит, должен быть очень широкий спектр объединяющих признаков. А все вместе иллюзия – как хорошо выстроенный спектакль?

Они оставались один на один, ничто не мешало пробудить ее страх, заставить признаться в обмане и раскаяться. Даже солнце равнодушно проливало свет на трагический спектакль. Опять спектакль? Пожалуй, так. Нет желания принести ей боль. Он с ней просто расстанется, но без прежнего доверия и белых пятен в личной истории. Пусть будут грубость, обида и безнравственность. Он все стерпит, но его личная жизнь обретет материальность и продлится во времени. Без иллюзий. Ему не надо ее унижений, достаточно искренности. Успеть вовремя уйти, чтобы не наделать глупостей. Какие глупости? Обратил внимание на женские формы, как тут же пробудились дремавшие, а точнее – приглушенные, инстинкты. Сексуальная неудовлетворенность вызвала соответствующую агрессию. По ее вине его природная сущность испытывает нехватку жизненного тонуса. Он наклонился, рывком освободил ее лицо от символической ширмы. Наконец-то увидел испуганные глаза, нанес символическую пощечину. Драматический спектакль продолжается.

Странно видеть Ленку ползающей на полу в поисках несуществующей защиты. Какая наивность! Тоже своеобразная иллюзия. Сама не понимает, к какой пропасти привела его. Из-за собственного эгоизма и глупой безответственности. И его жалость... нахлынула булькающей волной. Потерял ее из вида, но душа кричит: *скажи, я не прав!* Жестом смахнул невольные слезы. Увиденное зрелище только укрепляло его в правоте. Одной рукой она тянулась к телефону, а другой – прикрывалась от его взгляда, как будто старалась скрыть намерения. Ее коварства хватило, чтобы сентиментальность уступила место очередному всплеску отчаянья. Она уже покалечила его душу, теперь хочет уничтожить физически. Но за что!? Он вырвал шнур из розетки, аппарат бросил в угол комнаты. Интуитивно чувствовал опасную черту. Есть чутье, но нет сил смириться с фактом предательства. Что дальше?

Исчезло наигранное стремление к насилию, потому что она не боится расправы. Уже нет морального превосходства и прежней насмешки над его нервным расстройством. Жалкая пародия на портрет, созданный Виктором в пору безумной страсти и являющегося теперь свидетелем отвратительной метаморфозы. Она скрывала свою сущность, а он стал жертвой мужской физиологии. Или поменялась?.. Да нет же! Его мысли продолжали метаться в поисках выхода из внутреннего конфликта. Нельзя переступить черту, и он не искал в своем насилии адекватности ее предательству. И была ли в ее поступках осмысленность. Где-то в подсознании сохранялась надежда на существование непреодолимой человеческой глупости. Все войны происходят тоже из-за глупого упрямства и отсутствия открытости. Никто не хочет быть врагом себе, и, что бы ни говорили историки, победителей не бывает. И что это за победа, если погибло больше тридцати миллионов, разрушено полстраны.

– Что же ты не бьешь? Добивай! – выговорила она, не скрывая слез обиды и унижения.

– У меня рука не поднимается. Кажется, я израсходовал все силы и... постарел.

Странно смотрелась ее улыбка на испачканном тушью лице. Она не смеялась над ним и не боялась его. Наконец-то он полностью уверен в ее искренности.

– Ты должен быть доволен.

– Чем!?

– Отвел душу, тебе полегчало. Я могу встать и умыться?

– Да, ты свободна.

Она поднималась с двух попыток. Пошатываясь пошла в ванную. Не скрывала физической слабости. Хотела разжалобить?.. Нет прежней надменности, зато – внешняя подавленность. Что-то в ее психологии необратимо закрепилось. Независимость? Дальше не трудно представить. Судебная медэкспертиза, заключение врачей, вызов к следователю. Потом – суд и год исправительных работ. Не слишком ли много за маленькую компенсацию после каждодневной лжи и длительных душевных терзаний. Всем известно, миром управляет в основном мужское население и, как ни странно, себе в ущерб. В любом судебном заседании женщины имеют моральное превосходство. Или они правы? Одного молодого семьянина обвинили в семейном насилии, так он уверенно заявил: ему решать, как поступить с женой и ребенком. Невозможно понять природу его мышления – вопреки здравому смыслу. Надо признать, садистские наклонности являются естественным состоянием определенной группы людей, которых надо сторониться. Знать бы еще, как их распознать в потоке лжи и лицемерия.

– Ты меня проводишь?

Просьба оказалась настолько абсурдной, что сбила его с толку. Что она могла изобрести? Однако, при всех его подозрениях, он не почувствовал в ее просьбе скрытого подвоха. Одна простая фраза, а ее духовный уровень поднялся на недостижимую высоту. Это какая же сила! Кажется, Витя начинает понимать женщин, забирающих из милиции собственные заявления о бытовом насилии. Они находят в конфликтах и свою провинность. Вроде бы как расквитались, и пора обиды свести к нулю. И чье же тогда моральное превосходство? Как и в любой войне, нет победителя – есть только потери и временное перемирие. Женская память цепкая штука – накапливает обиды, просчитывает разницу в потерях. Невыгодное сравнение, при отсутствии уважения, обернется местью, а предательство станет главным оружием уничтожения. Надо срочно расставаться, только Витя не понимает, почему бы сразу честно не признаться в остывших чувствах или неприязни. Надо красиво разойтись и тем самым сохранить дружеские отношения и возможность воспитывать общих детей. Да, надо самим воспитывать собственных детей, потому что только они могут являться истинной оценкой прожитой жизни. И все разговоры о коммерческом успехе или театральной славе – чушь собачья. Глупо превозносить дар природы, или одаренность, как личную заслугу. Еще глупей, когда какая-нибудь газета пытается выразить творческий потенциал и личное счастье в денежном эквиваленте. Поэтому множество личных драм у престарелых, знаменитых в прошлом, актеров и богатей.

И очень может быть, таким незамысловатым способом высший разум, наконец-то, уравнивает людей – наказывает за высокомерие.

Она уже стоит у выхода в своем любимом светло-кремовом плаще с воротником-стойкой. Нижнюю, опухшую, часть лица прикрывает шелковый белый шарфик. Теперь уже нечего выяснять – точки расставлены, и Витя Кондаков не станет избегать заслуженного наказания за неудачный спектакль. Ничего он не доказал, но сам себя унизил. Теперь Ленка имеет моральное превосходство и, соответственно, преимущество в судебном разбирательстве. Конечно, ему безразлично мнение следователя, важнее не чувствовать себя ничтожеством в собственных глазах.

– Зачем провожать. Позвони – сами приедут.

– Мне надо в травмпункт. – Она тронула ладошкой шарфик, виновато улыбнулась. – Когда ты замахнулся, я приоткрыла рот, чтобы остановить тебя. Не ахти какой удар, но могла появиться трещина. Там подтвердишь, что в темноте я ушиблась о косяк двери. Ты же не хочешь навредить себе.

Он не верил своим ушам. Она, побитая им, обращается к нему за поддержкой ради его же самого. Конечно, она не догадывается, что на самом деле он избивал самого себя. Хотел таким образом заглушить душевную боль. И он поверил ей, так ему хотелось верить. Неужели она простила его, и что означает ее улыбка?

Ничего страшного не произошло, всего лишь ушиб мягких тканей. Достаточно оказалось компресса. Его совсем не смущает белая повязка на ее лице. Главное, видит внимательные доверчивые глаза и ту же загадочную улыбку. Улыбка сфинкса? Он не способен разгадать ее. К прежнему чувству привязанности прибавилось ощущение вины перед ней – как жертвой насилия. Его страдания уже не в счет. В отчаянии желал одного – ее требований, пусть самых несусветных, в них бы он увидел смысл собственной жизни. Пока они совсем не разошлись, надо успеть выстроить новые отношения. Он понимает вредоносность любых надуманных построений, поэтому дожидается ее предложений. Его сговорчивость будет как благодарность за давние чувства. Давние? Есть еще ребенок, которого невозможно поделить. При упоминании дочери он сразу теряет способность к здравому мышлению. Лена видит его смятение, трогательно улыбается и повторяет заученную фразу:

– Что ты, милый! Ничего не надо, не заслужила я.

Ее слова раздражают слух. Он всегда говорил, что ценные вещи и другие блага достаются за определенные заслуги. Теперь жил с ней в одной квартире, и она со скрытой иронией повторяла его любимые фразы. По сути, они оба мысленно переживали всю совместно прожитую жизнь. Нет места обидам и ненависти. Тогда что происходит и почему? Он подолгу рассматривает ее портрет, нарисованный пастелью. Раньше не придавал ему особого значения. Просто появилось вдохновение, и весь ее характер точно отразился в подстерегающем коварном взгляде и сурово поджатых губах. Интуитивно почувствовал ее психологию, но не подумал о последствиях.

– Ты не способна нести ответственность за собственные поступки и прощать ответную грубость. Могла бы не терзать, а подленько ударить ножом в спину. Видишь, я измучен.

– Ну, что ты, милый!

– Не знаю, как так вышло. И не верится. Я готов был тебе жизнь подарить, стоило тебе меня попросить. А теперь пропасть между нами. Как и почему – не могу понять.

– Вижу, ты и впрямь становишься поэтом. Но мое опухшее лицо не достойно поэтических строк, и я не смогу вызывать прежних чувств. Ты находишься под впечатлением собственной вины, не заметил, как принял жалость за глубокую привязанность.

– Неправда! – неистово вскричал он. – Не терзай меня самоунижением.

Возможно, она права, он обманывает себя. Перемены в его отношении к ней произошли независимо от его желания – на подсознательном уровне. Она, как истинная женщина, почувствовала его охлаждение. Охлаждение? Нет, он не может с ней согласиться. И он вновь пытается реалистически измерить глубину их чувств, чтобы только обрести почву под ногами. По сути, он сам виноват в нагромождении ненужных вопросов, нельзя было изолироваться в своем, сугубо материальном, мире. Он перестал заглядывать в глаза Ленке, стал воспринимать ее частью необходимой обстановки. Но как мог!? Приходит к выводу, что в современном, загаженном коррупцией, обществе уже никогда не будет искренних и любящих людей. До чего просто! Государству наплевать на духовное состояние общества, ему важнее семья как экономическая составляющая этого самого общества. Придет время, и благосостояние страны будет рассматриваться в зависимости от рождаемости и численности населения. Самая что ни есть простая арифметика. Пора переходить от численности к поголовью. Любовь, привязанность и верность уже стали восприниматься ненужным балластом, усложняющим жизнь. Поэтому в политике самые близкие женщины нередко становятся расплатой за свободу и карьеру. И как в такой стране сохранить нежные чувства? Надо срочно спасаться! В их случае нельзя ошибаться, иначе они навсегда останутся в одиночестве и над пропастью. Ничего нет страшнее, чем быть чужим среди своих. И все – это чужие? Значит, надо строить и ценить светлые отношения – как единственный островок, сохраняющий веру в радостные перспективы. Он верит Ленке, их желания совпадают. Может, повлияла природа, выплеснувшая после затяжной зимы все многообразие своих соблазнов. Весна вступила в свои права, ярче светит солнце. Соответственно тому, как усложняются их взаимоотношения, его взгляд чаще устремляется в безоблачное небо.

Небо. Оно завораживает своей чистотой, пленяет и зовет. Только там видится решение всех личных проблем. Перед окном колеблются ветки черемухи. В пробуждающейся зелени отдельными пучками дрожат на ветру прошлогодние листья. Также трепещет его душа на жизненном перекрестке. Был период мобилизации физических и душевных сил, теперь – утрата ориентиров. Не стало таких человеческих ценностей как душевность и духовность. И как без них!? Человек превращается в примитивное животное, по древнему определению – на двух ногах и без перьев. Невозможно смириться с чудовищной деградацией, и вместе с тем Лена становится ему дороже, он не может и не имеет права ее потерять. Только бы она не допустила ошибки. Или уже ошиблась?

Ощущение опасности не покидает его. Страх нарастает и закрепляется в сознании из-за ее внимательного взгляда и улыбки сфинкса. Нет, она редко улыбается, просто сфинкс закрепился в мозгу. Он ничего не может поправить – от нее исходит скрытая угроза. Она как будто подстерегает его, дожидается оплошности.

– Тебе, наверное, хочется?

– Счастья тебе и дочери.

– Не обманывайся. Иди ко мне, если я не противная.

Ленка взяла отпуск за свой счет, все дни лежит в постели. Должно быть, усыпляет его бдительность. И он предусмотрительно сохраняет дистанцию, не заглядывает в ее глаза. Боится опять увидеть пропасть? Не хочет растерять остатки уверенности в ее порядочности и собственных силах. Иногда говорят о возможностях начинать жизнь с чистого листа, но ему даже в голову не приходит ставить жирную точку в уже начатом жизненном процессе. Если не получилось продолжить, то вообще нет смысла жить. Додумался, однако! Раньше сам удивлялся малодушию отдельных самоубийц, поставивших себя в зависимость от внешних обстоятельств. Их понять можно, как и всякую убогость человеческого мышления, ограниченного до самого себя. Она как будто слышит его мысли, проявляет настойчивость. Или откровенно глумится над его состоянием.

– Ты по правде не хочешь?

– Да, всегда хотел... раньше! – взорвался он рыдающим голосом.

– Так возьми меня. Если, конечно, я не противная.

Невозможно обмануть себя. Нет желания быть просто скотом, осталась жалость – к ней, себе и всем обманутым людям. Пришла мысль, что все живое страдает, подпитываясь иной раз маленькими подачками судьбы. Так влачит существование все цивилизованное человечество. Даже богачи выглядят жалкими, потому что материальные ценности не могут заменить духовных радостей и душевной теплоты. Но вряд ли приглашение Лены можно назвать праздничным подарком. Он увидел опасность с ее стороны. И все-таки решился – расстегнул халатик, снял лифчик, черные ажурные трусики, и... Да, его поглотила страсть. Ее тело испускало волнующие импульсы, под их влияние он попал. Не оставалось даже самого укромного уголка, которого не коснулись бы его пересохшие губы.

В какое-то мгновение его взгляд остановился на ее открытых глазах. И – все пропало. Холодная зимняя ночь смотрела на него. Суровая и беспощадная. Нет зимнего праздника, не падают крупные хлопья снега. Холодный темный мрак. Его усилия оказались напрасными. Она изучала его, хотела разочароваться в нем и... окончательно отторгнуть. Стремилась вызвать в себе отвращение к его физиологии с ее сексуальными потребностями. Ее существо прощалось с телесными радостями, связанными с ним. Для чего?

– Не думай обо мне... Ну, давай же!

– Я так не могу.

– Как хочешь.

Она надела трусики и отвернулась к стенке, а он ушел на кухню. Взял из пачки на холодильнике сигарету, долго ее разминал. Как он не сопротивлялся, жизнь менялась бесповоротно. Уже полгода теряла былую привлекательность, а значит – смысл. Их обоих окружала зима, суровая и беспощадная. Вернулся в комнату, присел на краешек постели.

– Я должен уйти.

– Тебе решать.

– Так будет лучше. Пока!?

– Как хочешь.

– Ты не будешь обижаться?

– Зачем, если ты решил.

И он ушел. С дьявольским желанием что-нибудь разрушить. По пути в мастерскую купил две бутылки водки и скромный набор дешевых продуктов. Невозможно обрести себя в новом качестве, но забыться – в его силах. А что забывать? Ленка хотела унижить его, морально уничтожить. Если бы он воспользовался ее бездушным телом, она бы праздновала победу. Еще бы! Убедилась в его ничтожности. Или нет? Не может появиться радости при мысли о совместно прожитой жизни с безмозглым животным. Она дорожит их прошлой близостью. Да, ценит! Хотела возненавидеть и безболезненно разойтись. Зря надеялась. Он никогда не станет уподобляться грязным ублюдкам, насилующим детей и слабых женщин. Тогда и вовсе не понять, зачем приложено столько усилий для самоуничтожения. По сути, все их поступки иначе как суицидом назвать не получается. Так вот, последовательно, созрела нехорошая мысль, и никак не удается от нее избавиться. Надо срочно отвлечься, главное – не буксовать у опасной черты.

Витя подошел к окну с открывающейся панорамой городских новостроек. Множество семей планирует обрести там радость. И будут заниматься уничтожением самих себя? Где-то есть грань между жизнеутверждающим воспроизводством и губительной страстью. А перед глазами живая иллюстрация естественных законов, достойных подражания. Напротив окна, высоко к небу, протянулись причудливо изогнутые стволы деревьев, уже несколько дней в их ветвях гнездятся две сороки. Витя неделю наблюдал за их непрерывными хлопотами по сооружению собственного жилища. Добычей строительного материала занимался самец, а его подружка аккуратно выкладывала прочные стенки. Их усердию можно было позавидо-

вать. И сейчас самец далеко не улетел, уселся на ближайшую ветку. Изучает окрестности двора. А что представляют собой современные мужчины?.. В сравнении с дикой природой человечество заметно обеднело по силе привязанности, ослабли родственные инстинкты.

Масштабное жилищное строительство и наблюдения за птицами не добавили оптимизма. Он выброшен из жизненного, такого прекрасного по эмоциям, процесса, но обязан спасти Ленку – сохранить привлекательную во всех отношениях женщину и достойную маму единственной дочери. Но от чего спасать!? От нее самой? Мысли о ее спасении становятся все более навязчивыми. Витя обязательно должен быть рядом – постоянно наблюдать за ней и вовремя приходить на помощь. Тут и голову не надо ломать, простейший способ приблизиться к ней – это залить душевные неприятности водкой. Так что к девяти вечера он почти достиг цели. На чертежной доске полная разруха из смеси карандашей, ломтиков колбасы и кусков черного хлеба. Ладно, догадался убрать от греха подальше настольные книги и чертежи. Откинулся на спинку скрипучего дивана и пытался вобрать в себя все звуки, доносимые из окружающего мира. Шум морского прибоя, шелест весенней листвы и нескончаемый щебет птиц. Или ему все казалось? С любопытством осматривался и дивился открытиям. В поле его зрения попадали вещи и предметы, которых у него никогда не было.

Возможно, именно страстное желание выйти за пределы гнетущей действительности материализовалось в фантастических видениях. Уже нет проектной мастерской, его окружают корабельные атрибуты, свойственные капитанской каюте какого-нибудь древнего парусника. Карты, чертежные инструменты и приборы для морской навигации не оставляют сомнений в принадлежности Виктора к плеяде великих мореходов. Ему и его сплоченной команде только что удалось противостоять сильному шторму. Им не раз приходилось переносить физические трудности и лишения, но никакая морская стихия не заставит смельчаков отказаться от поисков святой земли. Даже утрата величайших достижений цивилизации и большая вероятность погибнуть в морской пучине ничего не стоят в сравнении с реализованной мечтой об острове народного единства и всеобщего благоденствия. В сумраке на него зловеще смотрят маски известных политиков, искусно выполненные из папье-маше. Лоснящиеся от краски лица искажены в недовольных гримасах, и кажется, не мачта скрипит, а звуки доносятся со старых грампластинок с записями параноических лозунгов и лживых обещаний. На полках встроенного шкафа выстроились разноцветные керамические фигурки флибустьеров, удачно маскируясь под корешки книг. Тут же одиноко журчит декоративный фонтанчик. Впрочем, Витя забыл о его существовании, в его сознании отражаются звуки корабельной склянки и характерный плеск воды. Вот оно тоскливое ощущение потерянности – среди бескрайних волн и вдали от берегов. Но почему!?

Он открывает глаза, а в гуще нарушенной сервировки опрокинутая бутылка. В маленькой лужице на столе островком замерла корочка хлеба. Как произошло и что на него нашло? Не мог сосредоточиться на причинах развала семьи. Семья? Пожалуй, сильно сказано. Жалкая пародия на современное общество с его единством и согласием. Нет четкости в понимании происходящего, всюду анархия и борьба за власть. Может, специально все придумано? Есть темные силы, заинтересованные в развале страны, в том числе и отдельной семьи. Им не в радость всеобщее благополучие. Нищета и грызня за сахарную косточку с барского стола – вот что делает власть всесильной. Сунулся к телефону, кое-как набрал номер. В ответ – короткие гудки. В течение часа напрасно терзал аппарат. Наконец, удача. Он даже растерялся от неожиданности, не мог собраться с мыслями, взглядом шарил по книжным полкам в поисках какой-нибудь подсказки.

– Алло-о! – Голос бархатный и певучий, ничего общего с теми интонациями, какими сыт по горло. – Эй, кто звонит!? – уже требовательно спрашивает она.

Он взял себя в руки, быстро сунул в рот теннисный шарик.

– Здравствуй, – прошамкал Витя, пуская тягучие слюни.

- Дима, ты? – после паузы осторожно откликнулась она.
- Прости! Я выпил... здорово.
- Ты впрямь выпил!? – она неприлично хохотнула.
- Как намерена поступить? – промямлил его рот, с трудом удерживая шарик.
- Никак. А что тебя волнует?

Последний вопрос поставил Виктора в тупик. Пьяные мозги плохо соображали. Он бы мог без конца говорить о своих проблемах, но трудно представить, что может волновать какого-то Диму.

- Это ты – Дима? Отвечай! Это ты!?

Кажется, она поняла свою оплошность, и он положил трубку. В сознании не укладывается ее двуличность. Не замечал раньше? Он видел ее улыбку сфинкса, предчувствовал опасность и не хотел принимать. Мозг напоминает компьютер, который вот-вот сломается от непосильной задачи. Ленка уживалась в нескольких лицах, а он всегда оставался самим собой, много лет верил в ее исключительную порядочность. И вдруг!.. Невыносимо сознавать себя одураченным, осмеянным человечком. И кто надругался над ним? Чем дольше Витя думал о личной трагедии, тем больше представлялись масштабы предательства. Было ли, и кто!?

Истерзанный мучительными сомнениями, он не стал расстилать постель, а как есть, в джинсах и кроссовках, опрокинулся на издыхающий диван. Ворочался, вызывая недовольство натруженных пружин, отмахивался, но улыбка сфинкса снова оживала перед глазами. Чтобы хоть как-то отгородиться от коварного мира, натянул на голову покрывало. На память приходили отвратительные примеры человеческого непостоянства – будь то из литературы или живого общения с людьми, и в большом мозгу возникали эротические сцены с участием Ленки. Она проявляла в постели чудеса изобретательности со всеми подряд, пока его не поглотил тяжелый сон.

Капитан улыбается. Настолько заразительно, что все женское окружение невольно ему подражает. Симпатичный и высокий, в новой с иголки формы офицера внутренних войск, он смеется, чувствуя свое превосходство. Сероглазый и чернобровый, с ухоженной волнистой шевелюрой. Ему доставляет удовольствие видеть мрачную подавленность Виктора. Он переводит гордый взгляд на Ленку, и та зарделась, польщенная его вниманием. А Виктор испугался. За нее или за себя? В сознании пульсирует одна и та же мысль: *Что ты делаешь? Не предавай меня. Прошу, не надо!* Какое там! Она полностью попала под влияние самоуверенного офицера, ей нет дела до какого-то инженера с его лирикой и живописью. Такое унижение невыносимо, и Виктор отходит в сторону. При невозможности что-нибудь исправить он испытывает потерянность и ни с чем не сравнимое одиночество. *Как могла!?* Ему настолько стыдно за Ленкино легкомыслие, что он избегает смотреть в глаза свидетелей. Но с какой стати он обязан нести груз ее бездумных ошибок!? И какие ошибки, если она испытывает радость? Вопросы легче задавать, а для него край как надо не допустить ее унижения – его любимой женщины и матери его ребенка. Иначе она погибнет для него, а вместе с ней он – с его духовным, не понятым ею, миром. Офицеру все равно – для него женщины обезличены, имеют значение их покорность и количество.

Настолько поглотили тяжкие раздумья, что не заметил, когда капитан и Ленка затерялись в толпе. Специально скрылись, чтобы остаться без свидетелей – без его осуждающего взгляда и решительного вмешательства. Надо спасти ее от опрометчивых поступков, но где искать? Он много дней метался в поисках. Знал – рядом, но не видел. Что может случиться... Неизвестность порождает картины одну чудовищней другой. Он уже представляет их в убогой комнатухе с обшарпанными стенами и раздавленными клопами на выцветших обоях. По центру голый стол, сервированный по-армейски – водкой и различными закусками из офицерских пайков. Тусклое освещение. Надо думать, праздничное застолье в полевых условиях, не хва-

тает букетика простеньких цветов. Они весело смеются, капитан что-то нашептывает ей на ухо. Не трудно догадаться, о чем разговор, хотя голоса органично сливаются со звуками нескончаемого танго.

За их спинами, в углу комнаты, высвечивается главный атрибут обстановки – обычная солдатская кровать с панцирной сеткой. Сверху матрас и, конечно, грязновато-серая простыня. В полумраке трудно оценить чистоту, но Офицер точно не потрудится организовать приличную постель, настолько пренебрежительно относится ко всем доступным женщинам. Именно кровать приковывает внимание Виктора, с ней связаны его страдания. А Ленка улыбается. Ничто ее не смущает. Она с пониманием кивает головой, встает из-за стола, направляется в темный угол. Ничего предосудительного. Так естественно то, что ее разморило и потянуло прилечь на армейскую кровать. Ей нравится мимолетность встречи, и еще ее устраивает взаимная необязательность в перспективе. Для нее важнее получить сиюминутное сексуальное удовлетворение и продолжить поиски свежих ощущений – уже с другими офицерами. Нежная и трогательная в своей наивности, она стыдливо отворачивается к стене, раздевается до трусиков. Потом берет с тумбочки солдатское одеяло, ложится в постель, укрывается с головой.

Капитан улыбается. Он всегда радуется, когда его желания исполняются. Гаснет лампочка, и враз картина потеряла очертания. Но даже при немошном свете Витя не мог разглядеть лицо капитана. Видел только раззявистый рот, отметил высокий рост и спортивную выправку. Чувствуется армейская подготовка. Быстро, по-военному, сбрасывает с себя офицерскую форму, майку, трусы и ощупью крадется к затаившейся в ожидании женщине. Еще мгновение, и на кровати очерчиваются уже два тела. Легкое шуршание. Одеяло заколебалось в примитивных до отвращения телодвижениях...

В состоянии сильнейшего опьянения и бредового сна Витю Кондакова преследовали жуткие видения. Солдатская кровать перекочевала в его мастерскую, и он бессильно созерцал измену жены, пусть даже бывшей. По его лицу катились обильные слезы, а пересохшие губы шептали: *Что ты делаешь! Не надо меня мучить. Я так тебя любил!* Странно, что он не в состоянии что-либо изменить. Казалось бы, достаточно протянуть руку, чтобы остановить скотское совокупление. Просто, но как!? Не в его силах поменять психологию Ленки. Она такая какая есть, а у него не хватило знаний и жизненного опыта для правильного выбора жены. Но какой может быть выбор, если проституция бессовестно маскируется под невинность, мошенничество успешно прикрывается предпринимательской деятельностью. Нечему удивляться, если в обществе реже встречается честное и объективное судопроизводство, лицемерие и ложь стали основой крупного бизнеса и современной морали.

Они продолжают бездумный акт. В их животной похоти нет ничего человеческого. Полная отрешенность, потное пыхтение и женские стоны. Говорят о красивой эротике, но самое отвратительное – видеть искаженный в страсти рот в сопровождении бессмысленного взгляда. Лена не хотела, чтобы в минуты сексуального безумия Витя разглядывал ее лицо. Стеснялась, но всегда забывалась. Ему нравилась ее чувственность. Он был очень ей признателен за раскованность и поцелуями разглаживал черты лица. Они жили внутренними ощущениями, которые так или иначе проявлялись внешне. Как же он ошибался, считая себя единственным мужчиной, заслужившим ее величайшего доверия. Оказывается, она, как и все ограниченные до самих себя люди, прагматично понимает физиологические потребности, для нее сексуальное удовлетворение стоит в одном ряду с банальным утолением голода. Не против деликатеса, но при отсутствии выбора может обойтись солдатской похлебкой. Необходимость, но не любовь. И предложить уже нечего, потому что сексуальная близость, основанная на безграничном доверии, является высшим проявлением любви. Близость? Теперь он никогда не испытает радости обладания, не станет равным участником великого праздника. Ленка перешла в разряд продуктов широкого потребления. До конца жизни его будет преследовать чувство невосполнимой утраты.

Она заснула быстро. По-детски безмятежно – раскинув руки и с улыбкой на припухших губах. Приятные сновидения посещают ее сознание, в них нет разногласий и немного укора со стороны Виктора. Ей не нужны его страдания, главное для нее – отсутствие свидетелей. Вот уж истину говорят: *Если никто не видит, как женщина краснеет, то она не краснеет вовсе.* Все уже позади, надо смириться с фактом предательства. *Это как посмотреть,* – возразила бы она. Всякое умозаключение зависит только от воспитания. Витя Кондаков вырос в очень порядочной семье, с любящими родителями, рука об руку вышедшими из горнила страшной войны, не принимающими ложь и предательство. А что дальше? Он никогда не увидит капитана, грязный ловелас останется во сне как мерзкое явление. Растоптал нежные чувства, посеял разруху и печаль. Чтобы восстановить гармонию, необходимо уничтожить наглого и самонадеянного офицера. Но как, если тот остался во сне!? И не в силах Виктора справиться со всеми другими *Офицерами*, волочащимися за красивыми женщинами. Не один, так другой, потому что сущность самой Ленки не изменится. Значит, скотство в грязной постели будет всегда преследовать Витю Кондакова, терзать своим бесстыдством и... правдивостью.

Он не настолько наивен, чтобы не понимать причину возникновения отвратительных видений. Все явилось следствием подмеченных фактов, случайных наблюдений. Душу терзали нестерпимые муки, и он плакал. Ревность? Самое легкое и привычное объяснение, какое приходит в голову обывателя. В его случае драма имеет более сложную природу. Или вообще ничего не имеет? Именно сомнения становятся первопричиной его страданий. В его жизни ничего не осталось, кроме тоски и потерянности. Радости уже не предвидится, потому что его предала, казалось бы, самая близкая женщина, а человечество вне сферы его внимания не может быть лучше. Нет смысла жить, он уже умер – налицо все признаки духовного разложения. Единственное средство для воскресения – это надежда на ее искренность и ошибочность своих предположений. Надо вернуться к началу совместного пути, шаг за шагом проследить отношения – найти вредоносные занозы и без жалости, вместе с их метастазами, вырвать не только из души, но из памяти. Но где они могли оступиться... А ночные видение?... Что-ж, плод пьяного воображения. Уже легче. Но расхлябанная речь по телефону, незнание сути ее отношений... с Димой? Надо непременно объясниться. Не имеет он права определять судьбы людей по своему, субъективному, определению – ошибка подобна собственной смерти.

Виктор не знал, чего может добиться в итоге, но после утреннего туалета и ста граммов водки сел за рабочий стол, положил перед собой чистый лист бумаги, приступил к письму. Писал сумбурно и малопонятно. Задумался, хочет ли он жить с Ленкой вместе. По сути, она спровоцировала его на поступки, которых он всегда будет стыдиться. Не похож ли он на осла, упомянутого в «Легенде об Уленшпигеле». Вокруг поле колючек, а глупый осел пошел за маленьким пучком, зажатым в руке Уленшпигеля. Тысячи женщин были бы счастливы связать с Виктором свою жизнь, а он предпочитает страдать из-за одной легкомысленной эгоистики, которая не способна даже разглядеть его достоинств, не то чтобы их правильно оценить. Потерялась острота интимной близости. Вошло в привычку? И все-таки, даже при всех смягчающих обстоятельствах, впечатления от последней встречи оставляют желать лучшего. Она хотела его унижить, поставить в один ряд с грязными и бездушными насильниками. В то же время в нем крепнет желание взять реванш. Мысли кажутся тягучими и липкими, как всякая подлость. А Ленка, чем она лучше!? Он постоянно натывается на глухое молчание, ложь и лицемерие. Или ей тоже что-то кажется?

Нет! Хотя бы ради справедливости нельзя заклиниваться на мести. И сама она не считает себя виновной, внешне выглядит даже беззащитной, не способной на коварство. Просто у нее свои особенности мышления, а совесть – лучший судья. Да, Витя Кондаков не глупей тех дамских угодников из числа ораторов, провозглашающих с экранов телевизоров величие женщин, их душевную силу и пьянящую нежность. Эти глашатаи на публике истерично превозносят честь и достоинство женщин, а к вечеру с таким же рвением становятся домашними тира-

нами. Еще бы не стать! Они по своему опыту знают значение пылких речей для оболения экзальтированных женщин, видят влияние на них музыки, среди которых могут оказаться их собственные жены. Это что же, их собственность уплывет в чужую постель? Выходит, никому нельзя доверять, а тем более – себе. Витя, захваченный шквалом самых противоречивых мыслей, порвал исписанные листы, начал все сначала.

Лене для размышлений.

21.05.

Лена! Наверное, не каждый человек может воспринять истину интуитивно. Могли бы помочь умудренные жизнью близкие родственники, но их тоже нет. Извини, твоя мама со своими болезнями далека от наших проблем, поэтому рассудим сами. Страна оказалась на опасном переломе, не всем дано выдержать испытание и сохранить нравственные ориентиры. Извращаются привычные понятия о солидарности и взаимопомощи, человеческие качества оцениваются в материальном эквиваленте. Нам повезло – у нас прочный духовный и душевный сплав, огромный потенциал и слишком большая сделана ставка, чтобы импульсивно поддаваться разрушительному настроению.

– Можно ли менять коней на переправе? Я поверил в тебя, вдохновлялся твоим присутствием и пониманием. Приложены все силы для становления и развития собственного дела, в основе которого заложены высокий профессионализм, честность и справедливость, до блистательной победы – рукой подать.

– Мост разрушен. Хвататься за обломки? Были мост и шлюпка – семья, но ты забирал ребенка, оставляешь меня во мраке – без ориентиров и веры в добрые перспективы. В результате – раны, ссадины, огромное разочарование. Нет страха, но безысходность.

– Разберемся друг в друге. Почему наступил кризис? Я – увлеченный своим делом экспрессивный человек, наделенный воображением и фантазией. И то, что ты считаешь слабостью (неимение друзей), – это сила, окрепшая на уверенности в наших глубоких чувствах и взаимной преданности. Отсюда ускоренный темп жизни и заметные успехи. При отсутствии внятного политического, экономического и социального устройства невозможно избежать ошибок и промахов. Я часто выпиваю. А Хэмингуэй, Высоцкий, другие?.. Тебе такой ритм не понравился. И когда в деградированном обществе появились хоть какие-то условия честным путем использовать капитал достигнутого, ты не выдержишь нагрузки – снимаешь с себя ответственность. Не захотела объясниться или предупредить. Лишив меня моральной опоры, ты обрушила все, чего мне удалось выстроить и пережить в наших общих интересах.

– Тебе трудно? Не имея поддержки от близких людей (я – не в счет), ты, без моего ведома, впустила в нашу личную жизнь чуждых нам по духу людей – эгоистичных и бессовестных, ставящих свои интересы выше нравственных принципов. Твое внимание рассеивалось, усиливало мою нервозность. Мое отношение к твоим поступкам было искаженным, но искренним и в целом правильным. Нет понимания – спроси!

– Стоит ли бросаться человеческими ценностями? Расставаться надо до переправы. Благородно и не слишком трагично. Есть много примеров, когда жены (первая, вторая, а то и третья) не выдерживали предложенного темпа и добровольно уходили, признав свою несостоятельность. Это в начале пути. Те, которые выстояли, книг достойны. Трудно смириться с мыслью о возможном предательстве.

– Нет у нас материальной и моральной поддержки, мы в своей стране сироты и отшельники по нравственным принципам. Мы также прошли половину переправы, когда пятиться труднее, чем идти к цели. Тогда что вызвало крушение? Давай попытаемся понять причину срыва и вовремя исправим собственные ошибки. Прежде всего, искренность. Мои поступки,

какими бы плохими они ни были, всегда налицо. Тогда зачем твоя скрытность, порождающая разрушительные для семьи сомнения?

– Моя многословность только потому, что я всегда верил в правильность выбора своей спутницы. Иначе мои слова ничего не значат, и наш разрыв – закономерный итог моего глубочайшего заблуждения. Непонятно? Спроси!

P.S. Сохрани по возможности. Если не в качестве умных мыслей, то как образец моего почерка.

Виктор

Последующие несколько часов он провел как бы в забытьи, не замечая окружающей обстановки. Прodelана большая работа по осмыслению и принятию решения. Если вдуматься, вопросы направлены в свой адрес, чтобы проанализировать собственные поступки. И объяснениями он пытался убедить не ее, а себя. Кажется, убедился. Теперь пусть Ленка сама делает выводы, она тоже не имеет права калечить его судьбу. При мысли о неизбежном примирении и признании в глубоких чувствах Витя счастливо заулыбался. Даже хохотнул над нелепостью былых сомнений. Как могло случиться... Тут же встрепенулся, осмотрелся, обнаружил в руке письмо. Как!? Вместо желанного ответа все тот же лист бумаги. Ему так хотелось иметь желаемый результат, что он быстро обулся и помчался до подъезда Ленки. Люди, транспорт и дома не отпечатались в сознании. Дверь подъезда, по счастливой случайности, была открытой, и он самолично отпустил конверт в ее почтовый ящик на двери квартиры. Все! Потом сидел на дальней скамейке, наблюдал за двором и его обитателями. В самых, казалось бы, простейших явлениях, с которыми он когда-либо соприкасался, виделась частичка самого себя. И если все его ощущения собрать воедино, то уже получается значительный духовный мир. По сути, ему предстоит расстаться с самим собой. При мысли о неминуемой гибели невольно по спине пробегает холодок. Ладно бы он пострадал от безжалостных кредиторов, жуликоватых чиновников или еще кого, но чтобы любимая женщина... Понимает ли она, на что его обрекает?

Ему неизвестно мышление других обманутых или отвергнутых мужей, но в его случае очевидны огромные потери. По глупейшему стечению обстоятельств, вся жизнь может пойти под откос, потому что связана с Ленкой. Терять нечего только пустым людям, не в меру стремящимся к личному обогащению. Ему также непонятна психология военных, заранее ориентированных на переезды, распыляющих свою сущность по различным местам дислокации и, соответственно, не имеющих глубокой привязанности к месту обитания. Правда, по поводу людей военных можно предположить, что профессиональным убийцам недопустимо проявлять сентиментальность – ее вытравливают годами муштры и психологической подготовкой. Наверно, поэтому в сознании закрепился образ жестокого насильника и соблазнителя в армейской форме. Или Витя серьезно заблуждается, раздавая поверхностные оценки – Армия без чести не способна стать победоносной? Как всякая гниль, предательство и малодушие способны изнутри разрушить любое общественное устройство.

Он очень рассчитывает на письмо. В него вложены, казалось, все его душевные силы. Или остатки сил. Кровью написанные слова обязательно должны обладать гипнотической силой, Лена не останется равнодушной. Не мог он прожить с любимой женщиной много лет и обманываться в ее душевной щедрости. Она его поймет, развеет сомнения, и они продолжат строить свой, пусть не космический, но очень милый их сердцу мир. Звучит-то как... *мир*. Мир семейный, мир в стране и на родной для всех планете. Мир способен распространяться на всю Вселенную. Мир... с ним связаны справедливость и счастье всего человечества и Вити Кондакова – в частности.

Достаточно было подумать о всеобщем праве на счастье, и вот уже нет локальных конфликтов, во множестве рассыпанных в территориальной и социальной сферах. В результате высочайшего культурного развития объединяются интеллектуальные ресурсы, открываются пути для связи с другими цивилизациями. Любому нормальному человеку понятно, что свои усилия наука должна направить не на оружие и бесконечные разборки, выгодные только бессовестным дельцам от смертельного вооружения, а на освоение Галактики. У него и Лены осталось очень мало времени для размышлений. Надо успеть в раздельности, без внешних помех, осмыслить собственные заблуждения и понять простейшую истину, что корни всех зол и неприятностей сидят глубоко внутри них самих, в собственной духовной убогости и умственной ограниченности всех людей без исключения. Только всесторонняя работа над собой станет панацеей от морального уродства. Каждая минута становится бесценной на пути к духовным вершинам и величайшим достижениям.

Около десяти вечера она позвонила в мастерскую, спросила, как он себя чувствует, успокоила насчет дочери. Мол, одета и сыта, сейчас у бабушки. И сама она изъяснялась спокойно, то есть его послание подействовало на нее благоприятно – так надо думать. Пока она говорила, он искал единственные необходимые слова, способные развеять все накопленные недоразумения. И вдруг понял, что не готов их произнести. Да, нашлись полные глубокого смысла слова, но он побоялся их растерять понапрасну. Но почему!? И вот она высказалась как бы между прочим:

– Я так и не поняла, о чем ты написал. Много и зачем? Мы с тобой разобрались. Совместной жизни не получится.

– И это все?

– А чего ты еще хотел? – Она подождала его ответа и скороговоркой добавила:

– Ну вот, мне теперь звонят по сотовому. Будет что-нибудь новенькое – сама перезвоню.

Ему действительно нечего было сказать, настолько он был потерян. Не время произносить очень важные единственные слова. Конечно, от него исходили мощные душевные импульсы, но Лена выстроила психологическую баррикаду. Она не слышит его, и в итоге все его усилия оказались напрасными. Нет опоры, а пропасть продолжает разверзаться. Чтобы почувствовать хоть какую-то уверенность, посмотрел на окно с расцветающей за ним природой. Все-таки есть устойчивость. Деревья по-прежнему растут из земли, воробьи порхают с ветки на ветку, сорока охраняет свое гнездо. Для восстановления спокойствия походил по мастерской, потом сам решил позвонить.

– Грустно мне, Лена. По всему получается, много усилий потратил впустую. Буду чувствовать себя обворованным, пока не вернешь мне душу. И не представляю, как можно ступить в одну и ту же реку.

Сказал, будто оборвал еще одну ниточку, связывающую его с когда-то любимой женщиной. Когда-то? Еще таится надежда, что его страхи напрасны – ничего не потеряно. Ему ничего от нее не надо, достаточно пробиться к ее сознанию, наладить мост для взаимного понимания. Она положила трубку. Как он не старался, она не услышала его. Или не хочет понимать? Как объяснить ей, что ему хватит от нее одной искренности. Он не будет навязываться, но обязан найти вещам точное определение, чтобы принять грамотное решение. Невозможно прожить жизнь в сомнениях – с мыслями о глупых потерях, которых можно было избежать. Пусть она убедит его в необоснованности сомнений, и он успокоится. Он интуитивно чувствует, она сама в растерянности, не в силах разобраться в сложившихся обстоятельствах. Ему ничего не надо сверх, пусть даже скромных, признаний. Его легко понять, но Ленка как будто специально избегает прямого разговора, боится именно своей искренности. Витя вновь набрал номер.

– Ну, что тебе!? Ничего, кроме оскорблений. Как тебя еще понимать? – Голос уставшей и незащищенной женщины. – Никак не успокоишься. Придется обратиться в милицию, надо как-то защищаться.

– Пока наша дочь с тобой, никуда ты не денешься. Я буду преследовать тебя даже во сне.

Получилось глупо. Он легко попался на провокацию и тем самым помог ей укрепить собственные позиции. Таким вот непреднамеренным путем создаются чудовищные конфликты с человеческими жертвами. Теперь у нее есть все основания опасаться за свое спокойствие и, конечно, избегать откровенности. При случае будет шантажировать ребенком. Так что же, благими намерениями дорога в ад вымощена?

– Обращусь к знакомым. Пусть помогут хотя бы советом, – продолжает она выстраивать защиту.

– Дмитрий, что ли?

– Возможно. Хотя откуда тебе знать!

Он бросил трубку. На душе скребут кошки. От неизвестности и сомнений. И почему какой-то Дмитрий втиснулся между ними? В памяти всплывали отрывочные эпизоды совместной жизни – своего рода коллаж, когда свалены в кучу различные события без разбора, настоящие и прошедшие. Прошедшие? Попытался сосредоточиться на них. Прежде всего, кто такой Дмитрий. Одного он знал, его упоминала Ленка. То был начальник цеха на крупном заводе. Пожилой мужчина, с лысиной и шишкой-жировиком под челюстью. Подвез ее на личной машине до подъезда, мило распрощался. Позже приезжал с подарками, мясные продукты привозил. Язык хорошо подвешен. Какие у них отношения?.. Лицо волевое, чисто выбритое. Одет скромно, но со вкусом. Хотя... вряд ли она опустится до старика. С другой стороны, этот Дмитрий может оказаться опытным и щедрым любовником. Вот оно что, любовник? Она, как и всякая уважающая себя женщина, не станет собирать грязь в чужих подворотнях, сначала расчистит площадку для выстраивания новых отношений. Но для оптимистического вывода должны быть доказательства.

В непрерывных мучительных размышлениях прошел рабочий день, а последующая бессонная ночь принесла, как ему казалось, единственно правильное решение. Поскольку бывшая жена не торопится с откровениями, то он вправе сам последить за ней, определить круг ее общения. Конечно, выбрал не самый привлекательный способ для получения информации, но цель оправдывает средства. Многих из ее окружения он знает, и, вполне возможно, откроется еще неизвестная сторона ее жизни. И как иначе, если дочь отдыхает в детском лагере, а Ленка после работы предоставлена себе. Не в ее характере сидеть без дела. Обычно вечернее время благоприятствует общению с друзьями, влечет в увеселительные места, она – не исключение. Пожалуй, не так. После рабочего дня всегда хочется уединиться с близким человеком – отвлечься от надоевшего рутинного однообразия. А если учесть конец трудовой недели, то Витя запросто может стать свидетелем каких-нибудь исключительных поступков, открывающих завесу над скрытной жизнью Ленки. Но это так – предположения. Конечно, есть ничемные люди, которые, ввиду творческой убогости, ищут развлечения на стороне, а он всегда возвышал жену над посредственным окружением, видел в ней глубокую содержательность и ангельскую непорочность. Даже после невразумительного ответа на его письмо думалось о ней возвышенно. Он верит в ее нравственную чистоту, поэтому будет следить за каждым ее шагом, накапливать факты ее безупречного поведения. Под тяжестью неопровержимых доказательств его сомнения потеряют разрушительную силу, окрепнет уверенность в необратимости собственного счастья, расцветятся великие перспективы. Он создаст в честь ее великий духовный памятник и запросто утрет нос возможным оппонентам.

Солнце брызнуло в окно, а он продолжал лежать с открытыми глазами. Хотя именно от ярких лучей у Виктора, наконец-то, закрылись глаза. Торопиться некуда, сотрудники ушли в отпуск, то есть до конца рабочего дня он может распоряжаться временем по собственному усмотрению. Самый раз набраться сил. И заставлять себя не надо – он мгновенно оказался в другом измерении.

Они шли по железной дороге и разговаривали. Так, ни о чем. Хорошо быть свободными молодыми людьми. *От сессии до сессии живут студенты весело.* Приятные разговоры о простых вещах. Рядом – зеленеющий островок леса, молоденького и реденького, чуть дальше – покосившиеся избы заброшенного поселка. Всюду поле и пустое пространство, но достаточно оказалось шелестящего зеленого пятна, чтобы жизнь показалась прекраснее. Выдумка? Нет, пожалуй. Когда находишься в лесу, то кажешься себе самым непорочным человеком на свете. Эти божественные творения в виде трав, цветов и деревьев устремляют к светлым идеалам, склоняют к музыке и поэзии, заставляют в любых обстоятельствах сохранять человеческое достоинство.

Бесконечное пространство, но они продолжают свой путь. Не задаются вопросом, куда направляются и где заканчивается железная дорога. И заканчивается ли. Они видят всего лишь точку, в которой соединяются рельсы. Ничего нет приятней, чем прийти к единой цели. Тогда зачем повернули обратно? Двигались в одном направлении, и вдруг Лена перестает ему доверять, отказывает в понимании. Слишком много Витя требует? Неправда! Сохранять достоинство – естественное состояние любого порядочного человека. Он не только ведет ее к величайшим нравственным высотам, но своим примером подкрепляет ее уверенность в успехе. Они в лесу, и он чувствует, как его легкие очищаются от выхлопных газов, и сознание освобождается от влияния городской возни, связанной с удовлетворением животных потребностей и жадной мнимых успехов. Счастье и бессмертие – понятия одного порядка, непостижимые и, тем более, желаемые вершины человеческого духа, не связанные с материальной выгодой. Надо успеть ей сказать. Повернулся к ней лицом, а ее уже нет.

Кажется, она только что говорила: *Витенька, на свадьбу нужны деньги, но мы сами должны справиться – без помощи родителей. Это будет проверка нас на прочность.* Какие слова! В них много нежности и печали. Их могла сказать только очень разумная девушка, которая глубоко любит и не мыслит совместную жизнь без доверия и уверенности в своем избраннике. Когда же это произошло... Двадцать шестого июня он сдал экзамен по сопромату. Символическая дата, и поговорка не зря существует: сдал сопромат – можешь жениться. А деньги... Нормальному человеку много не надо трудиться, чтобы обеспечить себя и своих близких. Только позже появится огромный клан бездарных и вороватых чиновников с безмерными аппетитами.

И вот он уже мчится на поезде в составе целинного отряда. И название символическое «Марс», он уже на пути к вечности – мириадам звезд. Почему-то в судьбоносные периоды жизни ему всегда сопутствует железная дорога, и колеса поезда отстукивают быстрое время. Конечно, честно заработать – это хорошо, но Леночка осталась совсем одна. Кажется, только что ее жаркие поцелуи обжигали его губы, а теперь – разлука на два месяца и в тысячи километров. Хотелось крикнуть: *Лена! Леночка, держись молодцом – осталось так немного!* Стучат колеса, и поезд идет все дальше на Восток. Скорей бы прошла разлука. Разлука? Не посчитал глупой ошибкой выбросить из своей, уникальной и совсем молодой, жизни целых два месяца. Его не смогут понять только больные, душевно уставшие, старички. Есть еще пустые, бездушные от природы, люди, но они не в счет. Вспоминались часы и минуты, проведенные с Леной вместе, и расстояние сокращалось до мгновения. И вот он – желанный поцелуй. Коснулся, и снова жгут ее губы.

Кажется, не прочь был выкинуть из жизни время разлуки, а на самом деле оно само сократилось, или сжалось, в разы. Совхоз Бузулукский, вокруг степь. Свиноарник, баня, сарай для частных лиц, весы для машин с зерном. Работа завершалась обычно в девять вечера, на раздумья и личные дела оставалась ночь. И все равно он находил время и силы для писем своей Леночке. Теперь воскрешаются те чистые отношения и светлые перспективы. И вот тридцатое июля. Витя вновь склоняется над листом из ученической тетради.

...Ах, милая Леночка, видела бы ты эту девственную природу! Меня поразила река Ишым. Вода в ней настолько прозрачная, что можно разглядеть каждый камушек на дне. Рыбалка – это что-то невероятное. В день приезда мы заходили в воду по пояс, в стае рыб выбирали экземпляр покрупнее – к нему и подводили крючок с наживкой. К обеду наловили два ведра отборной рыбы, и уха удалась на славу

Работали мы сегодня только полдня, так как начался сильный и продолжительный дождь. После обеда завалились спать, а через три часа вновь отправились на работу. Я бы не упоминал подобные мелочи, если бы не сказочное сновидение. Уже не в первый раз мне видятся во сне райские пейзажи, в которых обязательно присутствуешь ты.

Представь маленькое озеро с песчаным дном и золотистым пологим берегом. Ну вот, чуть дальше, по периметру, многочисленные пальмы. Здесь очень многолюдно, но это в основном женщины. Среди купальщиков и мы с тобой. Вода удивительно голубая, будто подкрашенная акварелью, мы никак не можем насладиться ее ласкающей прохладой – то ныряем, то снова устремляемся навстречу друг другу. Наконец ты плывешь на противоположный берег – туда, где красуется храм, облицованный узорчатой керамикой. Ты выходишь на берег, и к тебе направляется поток людей в ярких экзотических одеяниях. Они улыбаются и смеются, о чем-то разговаривают друг с другом. Из середины озера я наблюдаю за необычной картиной, и вдруг меня настигает тоскливое и непреходящее чувство одиночества...

Есть о чем вспомнить, но именно то щемящее состояние пришло на ум. Совпадение? Письма он писал каждый вечер – перед сном. Необходимый ритуал, доставлявший наслаждение – своего рода увертюра перед приятными сновидениями. Да, час-два он мог позволить себе общаться с любимой девушкой, не отвлекаясь на тяжелую работу. Другое измерение? Любопытно, что сильные красивые чувства всегда ассоциируются с неземным состоянием. Наверное, такие же ощущения испытывал Алладин, когда повстречал принцессу Будур. Существует мнение об эгоистичности любви, но почему? В минуты наивысшего счастья щедро открываются душевные шлюзы, со всеми хочется делиться этим благодатным пламенем. И тут же, наряду с величайшим просветлением, кто-то смеет оценивать счастье в денежном эквиваленте. Любой избыток материальных средств – это уже чудовищный эгоизм и паранойя, чуждые общечеловеческой гармонии. Жаль, что научные светила не торопятся ставить пугающий диагноз, из-за их попустительства зараза распространилась по всей планете, продолжая поражать человеческие души. Уже не ограничивается врожденной патологией и преждевременным маразмом, а распространяется на юное поколение, порождая паразитизм и черствость.

Он лежал с открытыми глазами и путешествовал во времени и пространстве. Уже не определить, когда именно происходили события, они слились в один размазанный кинокадр. И ощущения, как будто проскакал по шпалам. А надо было внимательно очертить каждое мгновение, бережно сохранить его в памяти. Он так торопился вернуться с целины, что ничего не осталось кроме общих впечатлений, неотчетливых картин. Также безответственно просачивается жизнь, и где-то, в уголках сознания, оседает досада от собственного легкомыслия. Досада? В результате надо выполнить самую неприятную часть взятых на себя обязательств. Его никогда не посещали сомнения в порядочности Лены, он просто сам перестал доверять себе в понимании близкой женщины. Доверять себе! Но как!? Разумным людям не надо обманывать друг друга, достаточно согласованно разойтись, сохранив взаимное доверие и привязанность детей. Или все не то, надо переболеть? Жизнь предоставляет в избытке такие проявления как склочность, жадность, насилие. То есть происходит нравственный суицид, и накопленный по крупицам счастливый опыт превращается в ядовитый отстойник – золото превращается в черепки, не выдерживая нагрузки. Была ли у них любовь, способны ли они на глубокие чувства... Насмотрелись эротических фильмов и приняли желаемое за действительное. Опять не то? В любых обстоятельствах должна сохраняться порядочность. Именно поэтому он проснется от глупого наваждения – чтобы внести ясность в отношения с Ленкой.

Он не хочет чувствовать себя жертвой обмана, иначе он прожил чужую жизнь. И жил ли? Жизнь в воображении, и ничего натурального.

Очень здорово, когда люди в мгновение могут получить радостную весточку о близких родственниках или долгожданное приглашение на собственное награждение. Есть и обратная сторона технического прогресса – это постоянная осведомленность о происходящих повсюду трагических событиях. На Волге перевернулся и затонул теплоход, в Норвегии какой-то псих устроил террористический акт. И в каждом случае многочисленные жертвы. Конечно, всякий нормальный человек адекватно отреагирует на трагедию, постигшую кого-либо ни за что. Будет сопереживать или даже искать пути для оказания посильной помощи. Разумеется, речь идет только о психически здоровых людях, не отягощенных преступными деяниями и жадой наживы, попросту говоря – не лишенных человечности.

Виктору на сотовый телефон позвонила Елена Сергеевна – соседка по деревне. Старая добрая женщина по собственному желанию присматривает за участком, на котором он строится. Никто ее не просил, но такая у нее широкая душа. Вообще-то они все стараются чем-то друг другу удружить. Так получилось, что семья Елены Сергеевны и Витя Кондаков появились в маленьком селении в одно время и с одной лишь целью – приобщиться к сельскому хозяйству. Правда, у Вити была еще одна мечта – реализовать инженерные задумки, и такая возможность открывалась на заброшенных сельских развалинах. Елена Сергеевна с престарелым мужем купили половину деревянного домика как раз напротив его участка. Для укрепления здоровья, как они сами объясняли свое пристрастие к сельской местности. Зиму проводят в городской квартире, а в начале апреля перебираются в деревенский домик. Интеллигентные люди, любящие природу и простое общение. Сразу появилась взаимная симпатия, и постепенно сложились доверительные отношения. И все равно Виктор не сразу по голосу узнал соседку. Возможно, звонок оказался неожиданным или сказалось сонное состояние.

– Витенька, у нас в деревне неприятности... Да, Елена Сергеевна. А, спросонья? Бывает.

– Вы уж простите, Елена Сергеевна, ночь работал за кульманом, – соврал Виктор. – А что произошло?

– Так твой гараж ограбили. Срубили крепежные болты с замка и все вынесли. Ночью приходили, никто не видел.

Вряд ли можно было точно описать состояние Виктора. Скорее всего, он ничего не испытывал. Велика важность, обобрали. Вся страна живет по воровским правилам. Кто-то пользуется служебным положением и табельным оружием, другие – незаурядным физическим здоровьем. Вне подозрений только самая незащищенная и нищая категория людей – это пенсионеры. Наглядные примеры бессовестного присвоения результатов чужого труда показывают представители большого бизнеса. Торговля и банковские услуги вообще вне конкуренции. Каждый день кого-нибудь обворовывают, наконец настала очередь Виктора. Машины у него никогда не было, а хозяйственный инвентарь не делает большой погоды. Сначала так и подумал, что его ситуация далеко не аховая. Но чем больше слушал добрую старушку, тем острее сознавал понесенные убытки. Оказывается, ночные воры трудились до рассвета, и главная улица была усеяна оброненными строительными материалами. И этого показалось мало, еще засветло подключилась мелкая шпана. Елена Сергеевна говорила сбивчиво, но главное можно было понять. Теперь уже ничего не вернуть, все строительные инструменты распродали в районном центре. Ребята набрали водки и пива, после бессонной ночи расслабились, а на берегу озера устроили пьяный дебош.

У каждого нормального человека в экстремальных условиях проявляются свои средства психологической защиты. Витя как бы отстранился от событий на своем участке, посмотрел на ситуацию со стороны. Терять ему уже нечего – потерявши голову, нелепо убиваться по волосам. Он создавал свой мир, но семья развалилась. Стоит ли плакать по пустякам –

все равно его планы потеряли свою актуальность, лично ему ничего не нужно. Конечно, он поедет, пообщается с сельчанами, то есть напомнит о себе. К нему отнесутся с пониманием и сочувствием, вспомнят, как он в любую погоду трудился над своим строением. *Батюшки мои, как же это можно было так надругаться! Как пить дать – не наши! Наши у своих воровать не станут.* Вряд ли кто ему завидовал. И водку он не жалел на установление доброжелательных отношений, в перспективе видел совместные мероприятия по благоустройству поселка и веселые праздничные застолья. В благодушном состоянии не сообразил, что в смутное время повышается вероятность попасть под коварный исторический каток, но время все расставляет по местам. Он без особого рвения стал собираться в дорогу.

Поселок Харино. Ему где-то попадалось описание местности. Осевшие в землю деревянные хибары, развалины церквушки на окраине и раскисшие от частых дождей дороги. Да, поселок упоминался в каком-то романе с криминальным уклоном. Что-то там накручено с молодой семьей, построившей кирпичный коттедж у границы лесного массива – недалеко от церквушки. Местные жители прозвали Чертовкой. Потом взрыв, трупы... как-то быстро растащили останки необычного строения, наследникам ничего не досталось. Витя пытался хоть что-то обнаружить от чудного дома, но ничего не нашел. И вообще он усомнился в правдивости рассказов о влюбленной криминальной парочке и каких-либо событиях, связанных с их домом. Скучно людям, вот и выдумывают невесть что. Но в других полузабытых селениях люди тоже не отличаются благонравным образом жизни – те же пьянки, сексуальный разврат, воровство. Иначе и быть не может, когда в глуши поселяются люди без радужных перспектив и с криминальным прошлым. Все то же, а еще есть уникальное озеро – Сугояк. Именно озеро привлекло Виктора, а Лена помогла оформить необходимые бумаги для приобретения участка. То есть умело воспользовалась деловыми связями. Земля, можно сказать, целинная, потому что лет пять никто ей не занимался, а полынь и пустырьник никак не могли понизить ее качество.

Первым делом Витя отправился к Елене Сергеевне. И старушка встретила его с радостной улыбкой и распростертыми объятиями. Прижала, в щечку поцеловала, посадила за стол отведать горячие оладьи с парным молочком. Сидели в крохотной кухоньке, хотя для веранды уже год как фундаменты сделаны и доски давно иссушены. Ничего не поделаешь, своих сил недостаточно, а сыновья наезжают раз в неделю – и то за пляжными радостями да глоточком чистого воздуха.

– Мой-то Андрей ранехонько подался в город. Как раз успел на первый автобус. Говорит, ассортимент продуктов маленький, а он привык к настоящему чаю, и хотел бы хорошим сырком побаловаться. Да уж скоро появится. – Елена Сергеевна, как могла, отвлекала Виктора от тягостных размышлений, сама старалась передать больше тепла. – Да ты налегай на оладьи, я к приезду Андрея все равно буду печь.

– Я бы рад, но сыт, – деликатно отстранил тарелку Витя. – Мне только непонятно, от чего люди тянутся за чужим добром. Нет проще арифметики – не трудно вообразить себя на месте жертвы, чтобы навсегда потерять охоту к воровству. Еще могу понять малолетних ребятишек, ищущих приключений и, по легкомыслию, лазающих в чужие огороды – их не трудно простить. Почему-то у зрелых, здравомыслящих, людей нет жалости к несчастным людям... именно в деревнях часто убивают стариков за их нищенскую пенсию. Государство давно не замечает их бедственного положения, так теперь еще молодежь уподобляется бездушным монстрам.

– Зря ты, Витенька, сетуешь на государство, там и без стариков забот выше головы. А нам что, есть льготы на похороны, и то ладно. Не в каждой стране увидишь такую щедрость. Ты вот не понимаешь, как так появляется тяга к чужому добру, и я ответить не могу. Не очень давно по телевизору сказали о женщине... кондуктор, что ли, в поезде... обнаружила оставленный

чемодан с восемью миллионами, там и телефон хозяина нашла. И что ты думаешь... позвонила и при встрече передала.

– Что ж, награду заработала.

– Витенька, какая награда! Этот растеряха даже спасибо не сказал. – Елена Сергеевна увидела, как вмиг помрачнел Витя Кондаков, поторопилась добавить: – Вот видишь, сколько хороших людей.

– Как-то нехорошо получилось.

– А, так ты про растеряху... это уж его беда.

– В театр ходите? Всю жизнь преподавали музыку, вам без культуры никак нельзя, – постарался переключиться на более приятную тему Виктор.

– Ох, Витенька, с нашей ли пенсии покупать дорогие билеты, – вмиг сникла Елена Сергеевна. – Я уж и забыла, как ходить на выставки и... в театры. И зачем? Все равно надеть нечего. А в деревне благодать! Можно старую одежду донашивать, и стоптанные башмаки к делу придутся.

Расстроилась Елена Сергеевна. Простой вопрос, а породил множество противоречивых чувств. Понимает, в стране происходят непростые и кардинальные перемены, надо всем народом подтянуть пояса и грести в одну сторону. Трудновато, зато внуки увидят обещанное более полувека назад светлое будущее. Ну как тут не потерпеть – на то и будущее, чтобы его ждать бесконечно. Опять же непонятно, с каких шишей чиновники обзаводятся недвижимостью за рубежом, туда же и детей определяют на учебу. Надо бы равномерно распределять трудности. Нехорошо пахнет со стороны Первого лица страны и правительства. От обиды в пору головой в омут. Да, прямо в стареньком драповом, или задрипанном, пальтишко и залатанных туфлях сигануть в мутную гладь.

Не стоит осуждать Витю за опрометчивые слова, он хотел как лучше – показать свою заинтересованность в судьбах стариков. Свои проблемы казались очень мелкими в сравнении с идейным разочарованием старой учительницы, когда жизнь выглядит сплошной обманкой. Витя Кондаков трезво оценивает обстановку в стране, его на мякине не проведешь. После приятного застолья он в общих чертах знал план действий. Конечно, поиски своих обидчиков надо начинать с посещения самых авторитетных людей в поселке. Есть такой Толик, отсидевший серьезный срок за двойное убийство и одно покушение на убийство. С ним у Виктора сложились доброжелательные отношения. И как не подружиться, если мужик безотказный, при необходимости помогал с бетонными и разгрузочными работами. Были и другие помощники, но с Толей происходило быстрое взаимопонимание. Ему хватало одного взгляда, чтобы оценить обстановку, и он без лишних слов принимался за работу. В конечном итоге накрывался стол под деревянным навесом, где можно было поделиться мыслями и жизненными невзгодами. Нормальный парень, очень порядочный, и вдруг – убийство. Нехорошо как-то получается. Во время пьяных посиделок и выяснились детали тяжкого преступления.

Толик дожидался на остановке автобуса. Слегка под хмельком, с приятными впечатлениями от посещения матери в день ее рождения. Тут же, на остановке, объявилась компания из трех подвыпивших пацанов. Развязные молодые ребятки никуда ехать не собирались, заботы их явно не отягощали. Вели себя по-хамски, а проще выражаясь – искали приключений. Сами себя взвинчивали по пустякам. Видите ли, у Толика не оказалось сигарет. И откуда им взяться, если он в то время не курил. Слово за слово, и ребята перешли на оскорбления. Воспитанный человек Толя, после общения с дорогой мамой хотел весь мир приласкать. Терпел он до тех пор, пока они не упомянули его мать самыми грязными словами. В мгновение погасло солнце, цветущая природа обратилась в выжженную степь. Поскольку рассудок помутился, то он уже не мог контролировать собственных действий. И, как на грех, в кармане оказался перочинный ножичек. Сам-то он парень деревенский, привык свистульки делать или еще что-нибудь выстругивать, с инструментом никогда не расставался. С пылу ловкость проявилась

необыкновенная. Толик мгновенно исполосовал двух парней, а за третьим гнался до тех пор, пока не изрезал тому задницу. Опомнился, когда ему заломили руки, плюс ко всему попинали кованными ботинками. Он бы и третьего зарезал, если бы мимо не проезжал милицейский патруль.

Очень сокрушался Толя, но дело сделано, и его судили. По результатам следствия получалось так, что он намеренно и ножик носил, и всегда готовился к убийству. И никакой это не аффект вовсе, он специально поджидал молодых ребят – знал, что придут на остановку. Теперь не то чтобы честь семьи защищать, но родную мать запросто могут променять на бутылку водки. А то, видите ли, оскорбился. При очевидном предубеждении следователей как можно объективно судить человека? Но Толик не сломался. Отсидел отмеренный срок до звонка, позже обиду заглушал водкой. Конечно, время лечит, и в процессе трапезы Толик рассказывал спокойно. Или видимость такая, потому что не заметил в доске большого ржавого гвоздя. Вздумалось на него пересесть. Даже не поморщился и не обиделся – себя винил за невнимательность. Это какой же надо иметь характер! Такой человек не станет размениваться на мелочи и заниматься воровством, других тоже не будет поощрять.

Проживает в поселке еще один авторитет, но с ним Витя не был лично знаком. Вообще-то дядя Семен, как его звали, вел очень замкнутый образ жизни. Возможно, он горько переживал собственную поломанную судьбу. Или даже не только свою, а чью-то им по ошибке загубленную. Убил человека, но никому не исповедовался. После отсидки купил в поселке приличный домик, пристроил веранду, в обновленном доме и поселился. Ни с кем не общался, вел отшельническую жизнь – это со слов односельчан. Наверно, по этой причине пользовался всеобщим уважением, а значит – заслуженным доверием. Так уж повелось, что люди, закрытые от сторонних глаз, всегда выглядят загадочными и очень мудрыми. Если что и скажет, то фразы можно высекать на скрижалях. Получается, на двух человек положиться можно. Конечно, выбор небольшой, но зато верный. Другие сельчане не станут выдавать местных воругов, то есть и своих оболтусов, а при всеобщей низкой морали сами не прочь поживиться на чужом пепелище. В их понимании, только дурачок откажется от халявы. А чужие страдания... ну, это кому как повезет. Возможно, даже радуются чужой беде. Виктор начал с Толика.

Надо сразу сказать, Витя не рассчитывал вновь обрести утерянную собственность. Даже с хорошим чутьем и правильной ориентацией в своих поисках невозможно противостоять согласованным действиям всего населения. Милиция тоже не станет связываться с мелкими, по их понятиям, делами, у милиции в сельской местности много своих воров-осведомителей, наказывать которых не в ее интересах. Скорее всего, он испытает моральное удовлетворение от предпринятых действий. Все-таки не смалодушничал, а проявил принципиальность. Пусть местные воришки хвост подожмут и наперед зарекутся лазить в чужие дома, хотя для Вити все равно. Были сомнения по поводу расставания с участком, теперь уверенность в правильности принятого решения крепнет с каждым часом. Правда, свежи в памяти требования двух-трех местных жителей ни в коем случае не продавать землю. Должно быть, полюбился им Витя своим трудолюбием. Не секрет, что покупают землю в основном люди, разбогатевшие жульническим путем, и сами руками до строительного инструмента не касаются. Он – другое дело, ему в глаза улыбаются, руки жмут. Тогда почему кража? Надо срочно расставаться, не может он жить среди лживых и вороватых людей. Забыл оглянуться на страну, в которой живут все эти люди, но принял решение. Не подумал, что моральная нечистоплотность – состояние всего общества, от нее убежать можно только в могилу. Из-за всеобщей пакостливости и по своей простоте вынужден прощаться с полюбившимся поселком и податливой на ласку землей. Такая вот геометрия. При этом обязательно пожмет руку Толику.

Деревянный дом, в котором проживал бывший зэк, был первым на улочке со стороны озера. Кто-то называл его двухэтажным особняком, но это только смеха ради. На самом деле

первый этаж на треть осел в землю и для повседневной жизни стал не пригоден. Верхние венцы могли еще послужить, но неподкупная природа вынесла свой неутешительный вердикт: дряхлое строение опасно для здоровья и подлежит сносу. Как будто сказано все, но по периметру равномерно расположились три входа, и, соответственно, в развалихе ютились три семьи. Поневоле задумаешься о превратностях судьбы. Но, как говорится, ягодки впереди. И этой ягодкой стал ребенок. Дородная краснощекая деревенская деваха, ростом чуть выше самого Толика, родила ему сына. И когда Витя появился на пороге его жилища, счастливый папа уже вторую неделю был с припухшим от пьянства лицом и очень уставшим. Сидел за вчерашним столом, и сил хватило только повернуть голову.

– С какой ветки спрыгнул? – спокойно спросил, как если бы Витя являлся его бывшим соседом по нарам. – Все меня поздравили, а ты, значит, в стороне.

– Прости, буквально час назад узнал от Елены Сергеевны. Сразу зашел в магазин. – Виктор положил на стол сверток с копченой рыбой, а между грязными тарелками поставил бутылку водки.

– Не-е, ты не прав. – Хозяин отрицательно помахал указательным пальцем. – Мы будем пить только самогон.

– С чего это?

– У нас уже двое отравились. Я не позволю, чтобы ты в моем доме копыта отбросил. Вот так! – Толик грохнул по столу кулаком. – Зинка, а ну, моему другу чистый стакан!

Откуда-то появилась жена. Тихая и робкая для своих масштабов. С тазиком в руках. Без лишних слов сгребла в него немытую посуду и остатки вчерашнего пиршества. Также тихо удалилась. Через пару минут вернулась с тряпкой и тщательно протерла старенькую клеенку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.